

Секция 6

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

С.Т. АЛИБЕКОВ,

профессор кафедры международного права Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, доктор юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ (НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ)

Три интеграционных этапа в формате ЕврАзЭС (зона свободной торговли - таможенный союз - единое экономическое пространство) объективно привели к созданию наднациональных структур в формах Комиссии таможенного союза (КТС) и позднее - Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Тем самым и рабочий орган КТС (а позднее – ЕЭК) постепенно приобрел черты наднациональной структуры и принимает решения, обязательные для Сторон (Беларусь, Казахстан и Российская Федерация). Стоит заметить, что административные процедуры объективно возникают и в недрах указанных структур.

Кроме того, создание Евразийского Экономического суда предусматривает рассмотрение дел после их предварительного разрешения в стране возникновения того или иного спора, что также занимает продолжительное время и процедуры. Можно было бы (с учетом небольшого числа рассматриваемых дел) предоставить указанному Суду решать экономические споры непосредственно по обращению, минуя национальные судебные инстанции, и по существу.

Кроме того, в ЕврАзЭС, возможно, необходимо ограничить интеграционные органы принципом subsidiarity (по примеру ЕС), что может повлечь сокращение административных процедур. Остается открытым и вопрос прямого действия решений наднационального характера, что потребует от государств принимать дополнительные решения для их реализации либо вопрос может решиться при создании новых

интеграционных структур и адекватной корректировки национальных законодательств.

Интеграционная динамика в формате Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС) может потребовать ускоренной динамики в реализации модельного законодательства и процесса разработки и его принятия, устанавливающие единые начала правового регулирования отношений в различных сферах. Здесь речь может идти об общем и особенном в регулировании правоотношений посредством того или иного законодательного акта.

Важно учитывать организационные нормы, процедурные правила и контрольные нормы для реализации модельных законодательств. Если акцентировать внимание на целях, то ими могут быть:

- обеспечение реализации стратегических направлений развития интеграционного сотрудничества стран-участниц Сообщества в налоговой, таможенной, внешнеэкономической и др. сферах;
- создание правовых условий для унификации и гармонизации национальных законодательств государств ЕврАзЭС;
- формирование законодательных условий для развития взаимной торговли между государствами Сообщества и торговли с третьими странами;
- обеспечение упрощения административных процедур;
- создание предпосылки для вступления государств – членов ЕврАзЭС во Всемирную торговую организацию.

В частности, Казахстан ратифицировал в 2005 году Договор о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации, с целью проведения согласованной правовой политики и правовой системы ЕврАзЭС, обеспечивающей эффективное интеграционное взаимодействие в рамках Сообщества, необходимости унифицированного порядка регулирования правоотношений в рамках ЕврАзЭС.

Реализация положений Основ законодательства ЕврАзЭС может осуществляться посредством:

а) разработки и принятия национальных законодательных и иных нормативных правовых актов в соответствующих сферах правоотношений;

б) внесения изменений и дополнений в действующие национальные законодательные и иные нормативные правовые акты;

в) признания утратившими силу (денонсации) законодательных и иных нормативных правовых актов, препятствующих развитию интеграционных процессов в рамках Сообщества;

г) осуществления необходимых организационно-правовых мер.

В частности, реализация международных договоров предполагает:

- на межгосударственном уровне - выполнение обязательств, взятых государствами-членами ЕврАзЭС,

- на внутригосударственном уровне - гармонизацию (сближение, унификацию) национального законодательства в соответствующей сфере правоотношений.

Как известно, международные договоры считаются реализованными в каждой из стран Сообщества в случае, если национальные акты и правоприменительная практика соответствуют положениям этих международных договоров.

Реализация Основ законодательства, в случае их принятия, как актов прямого действия может осуществляться в форме исполнения путем включения Основ в национальные правовые системы.

Национальные акты, не соответствующие (противоречащие) Основам, подлежат изъятию (признанию утратившими силу) и/или изменению в установленном национальным законодательством порядке после ратификации соответствующего соглашения о принятии Основ.

Имплементация правовых актов Сообщества осуществляется государственными органами стран Сообщества в порядке, установленном национальным законодательством:

- принятие новых национальных актов, обеспечивающих реализацию нормативных правовых актов Сообщества;
- внесение соответствующих изменений, дополнений (поправок) в действующие национальные акты;
- признание утратившими силу (изъятие) национальных актов или их частей, противоречащих правовым актам Сообщества.

В случае несоответствия между нормами национальных актов и нормами правовых актов Сообщества, выявленного при сравнительно-правовом анализе, правовом мониторинге, правовой экспертизе и/или другими способами, которое может затруднять реализацию правовых актов Сообщества, государственные органы стран Сообщества и/или органы ЕврАзЭС принимают меры по устранению этого несоответствия посредством гармонизации или сближения либо унификации национальных законодательств.

На межгосударственном уровне контроль за реализацией правовых актов Сообщества может осуществляться в установленном порядке органами ЕврАзЭС. На внутригосударственном уровне контроль за реализацией правовых актов Сообщества осуществляется парламентом, правительством и/или иными государственными органами в порядке, установленном национальным законодательством.

Правовая система Казахстана и законодательная база в условиях интеграционных процессов в определенной степени пополняется новыми источниками и содержанием. В то же время, законодательством Казахстана не предусматривается категория «государственное управление», являющаяся, по сути, механизмом реализации государственной власти. Категория «государственное администрирование» имеет применимость к отдельным сферам управления, однако, используется только в части государственного контроля.

В частности, в казахстанском налоговом законодательстве категория «налоговое администрирование» применяется в разделах, посвященных

налоговому контролю, что, на наш взгляд, сужает сферу применения. Такая необходимость поправок вытекает из тенденций интеграции Казахстана, в частности в формате ЕврАзЭС.

В национальном налоговом законодательстве схема налогового администрирования может выглядеть следующим образом: государственная регистрация; регистрационный учет налогоплательщиков; регистрационный номер налогоплательщика; государственный реестр; налоговая отчетность; формы налоговой отчетности; условия представления налоговой отчетности; порядок представления налоговой отчетности; «электронный» налогоплательщик; сроки уплаты налогов; оплата налогов в безналичной форме; оплата в наличной форме; порядок ведения лицевых счетов; камеральный контроль; исполнение налогового обязательства; начисление пени; приостановление расходных операций; ограничение в распоряжении имуществом; меры принудительного взыскания; меры по его признанию банкротом; государственная регистрация; налоговая отчетность; информационные системы; учет налогов и отчетности; принудительное взимание налогов; налоговые проверки; налоговые консультации; налоговые апелляции; контроль над уполномоченными органами; мониторинг налогоплательщиков; администрирование подакцизной продукции; - налоговые услуги; электронная книга жалоб и телефон доверия *(т.е. на взгляд автора - 33 элемента-инструмента, не считая квазипроцедур)*.

Пока можно констатировать, что в налоговых законодательствах государств-членов ЕврАзЭС имеются определенные (или существенные) расхождения и пробелы. На наш взгляд, важны единые для государств-членов ЕврАзЭС основные принципы налогообложения; общие правила по установлению, введению, изменению, прекращению действия налогов, сборов (пошлин); основные права и обязанности налогоплательщиков и других участников отношений, регулируемых налоговым законодательством государств-членов ЕврАзЭС; положения по регулированию отношений, возникающих в процессе исполнения налогового обязательства,

осуществления налогового контроля, обжалования решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц; общие условия по установлению порядка взимания отдельных налогов, сборов (пошлин), в отношении которых принято решение о целесообразности их гармонизации.

Применяемая в таможенном законодательстве категория «таможенное администрирование» также связана только с таможенным контролем, что необходимо поправить с учетом таможенного процесса в целом и необходимостью дальнейшей гармонизации и унификации правовой базы. Принятый Таможенный кодекс Таможенного союза ЕврАзЭС еще не решил данный аспект постановки вопроса, однако практические потребности требуют такого решения. Число административных процедур не в полной мере сократилось даже с введением фрагментов «электронной» таможни.

Таможенное регулирование заключается в установлении порядка и правил, при соблюдении которых лица реализуют право на перемещение товаров и транспортных средств через таможенные границы государств-членов ЕврАзЭС, и осуществляется в соответствии с таможенным законодательством государств-членов ЕврАзЭС.

В совместной работе вводится взаимная административная помощь таможенных органов, под которой понимаются действия таможенного органа одного государства-участника таможенного союза, совершаемые по поручению таможенного органа другого государства-участника таможенного союза или совместно с ним в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза.

Взаимная административная помощь включает в себя также обмен информацией между таможенными органами государств-участников таможенного союза; взаимное признание решений, принятых таможенными органами; проведение отдельных форм таможенного контроля, установленных Кодексом, таможенным органом одного из государств-

участников таможенного союза по поручению таможенного органа другого государства-участника таможенного союза. Взаимная административная помощь может включать и иные виды взаимодействия таможенных органов в соответствии с международными договорами государств-участников таможенного союза.

В Казахстане отсутствует специальный Закон о внешнеэкономическом регулировании, что не всегда положительно влияет на динамику развития в направлении внешнеэкономических связей. О таком регулировании можно говорить по совокупности правовых норм, содержащихся в многочисленных нормативных правовых актах. Необходимо проводить работу по систематизации законодательства и его кодификации, что даст несомненный результат.

Действующая, по признанию экспертов, в государствах-членах ЕврАзЭС система администрирования внешнеторговых процедур носит нескоординированный характер как на межгосударственном уровне, так и на межведомственном. Основой для работы в этом направлении может выступить разрабатываемая в рамках Таможенного союза трех государств (Беларусь, Казахстан, Россия) информационная система внешней и взаимной торговли. Но в тоже время задачи гармонизации и унификации торговых процедур в рамках всего Сообщества (включая Киргизию и Таджикистан) по-прежнему остаются актуальными.

В настоящий момент фактически отсутствует межгосударственная база данных об участниках ВЭД, что приводит к дублированию числа требуемых документов, дополнительных затрат времени по регистрации и постановке на учет в уполномоченных организациях.

Сокращение числа процедур, предусматривающих личный контакт участника ВЭД с представителем уполномоченного органа по оформлению разрешительных документов для экспортно-импортных операций, позволит сократить объем транзакционных издержек участников ВЭД и предпосылок для развития коррупции.

Внедрение системы «единого окна» может позволить на межведомственном уровне устранить разнородность толкования нормативной базы. Уполномоченные органы, ответственные за выпуск/впуск товара/транспортных средств, должны на межведомственном уровне согласовать требования по данным и количеству необходимых документов для принятия соответствующего решения о разрешении экспортно-импортных операций.

Существующие по факту административные «процедуры» не всегда имеют законодательное подкрепление, и зачастую, форма превалирует над содержанием предмета или объекта обращения, что в свою очередь «плодит» дополнительные процедурные фрагменты – «квазиадминистративные процедуры», вытекающие зачастую из регламента того или иного государственного органа.

В данном случае, требуется все-таки классифицировать административные процедуры (после унификации в странах ЕврАзЭС), и возможно, принять решение на уровне наднационального органа. Может быть, необходимо также гармонизировать и регламенты государственных органов и наднациональных структур, являющиеся платформой квазиадминистративных подходов и процедур. В ЕврАзЭС принято большое число технических регламентов, касающихся товаров и было бы правильным принять общий регламент административных процедур, касающихся общей платформы регулирования.

Т.Л. БАТАЛОВА,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ОТДЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА КАК ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Изучение динамики соотношения частных и публичных интересов в разных сферах правового регулирования, теоретическая разработка проблем интереса в праве, изучение легальных способов преодоления противоречий

между публичными и частными интересами, обсуждение и разработка комплекса вопросов признания и обеспечения интересов в государственной и общественной жизни в настоящее время признаны одной из важных и актуальных задач научного творчества. Её решение позволяет по-новому оценить роль права в современном обществе в целом и частного права, непосредственно.

В развитии права современных России и Казахстана наметилась тенденция сближения, а иногда и сращивания норм, институтов публичного и частного права. Традиционное деление права на публичное и частное характеризуется динамичностью не только внутри каждого из них, но и в межотраслевых связях. Подтверждением тому служит появление институтов права, обладающих признаками частного права, например, по предмету и методу правового регулирования, тем не менее, находящихся в массиве норм, традиционно относящихся к публичному праву. Примером такого сближения служит институт частного обвинения в уголовно-процессуальном праве, институт медиации в гражданском процессуальном праве. Такая же тенденция прослеживается и в частном праве, где присутствуют целые институты, носящие публично-правовой характер. Например, институт государственной регистрации юридических лиц либо институт лицензирования в гражданском, предпринимательском, коммерческом праве. Процесс исследования такой тенденции усложнен тем, что на современном этапе развития теории права отсутствует единое мнение относительно того, являются ли предпринимательское и коммерческое право самостоятельными отраслями права либо нет. Указанные обстоятельства и выделенные тенденции чрезвычайно актуальны, и изучение системы права с точки зрения определения критериев деления права на частное и публичное, и попытки построения четкой системы частного права в современных России и Казахстане через опыт практического и сравнительно-правового анализа чрезвычайно интересно.

В правовой литературе России и Казахстана предпринимались попытки оценки роли публичного и частного права в механизме правового регулирования [1]. Однако интенсивное изменение законодательства в условиях обновляющегося общества сказывается на состоянии права в целом и частного права в том числе. Сформировались принципиально новые правовые институты, отражающие правоотношения, возникающие в реальных условиях общественной жизни, поэтому важное значение приобретает теоретическое обобщение тенденций формирования и развития системы частного права на современном этапе и отдельных его элементов.

История идеи частного права начинается с античности. Первой системой частного права является правовая система Древнего Рима. В истории возникновения, развития и формирования частного права и его системы в настоящее время наступила эпоха совершенствования, модернизации гражданско-правовых институтов, зародившихся в Древнем Риме и являющихся результатом новых экономических отношений и глобальных процессов современности, которые однозначно должны привести к глубокому единению частного права с естественными правами человека.

Частное право получило свое признание в Российском государстве в период от 60-х гг. XIX в. И за такой короткий промежуток времени у субъектов права не могли сформироваться общественное правосознание и традиции правоприменительной деятельности с точки зрения значимости частного права. Система частного права со своими более четкими границами сформировалась лишь в период расцвета капитализма и капиталистических правоотношений и в настоящее время находится в стадии своего совершенствования, сближения с естественным правом. И дуализм права как в России, так и Казахстане, и деление его на частное и публичное является объективным явлением.

На систематизацию, реализацию и функционирование частного права оказывает огромное влияние соотношение интересов государства, общества и индивида в условиях превалирования интересов публичных субъектов.

При продолжении практики законотворческой деятельности в таких условиях ни Россия, ни Казахстан не могут реализовать положения своих современных Конституций, отразивших основной принцип международного законодательства о высшей ценности общества и государства, заключающийся в реализации прав и свобод человека и гражданина, составляющих основу частного права. Для развития цивилизованных рыночных отношений, создания правового государства, в котором частный интерес охраняется наравне с публичным, а в некоторых случаях имеет преимущество, необходимо максимально уменьшить количество вариантов парализации частных прав, в т.ч. изъятия частной собственности даже в условиях чрезвычайности, отмены института регистрации по месту жительства и месту пребывания, безусловного функционирования института частного обвинения в уголовном процессе, введение в уголовный процесс института медиации, расширения субъектного состава медиаторов в гражданском процессе.

В настоящее время граница частного и публичного права не всегда ясна, несмотря на отчетливое представление о принципиальном различии этих областей. Встречаются отношения смешанного типа, включающие в себя много элементов гражданско-правового характера и в то же время, отражающие публичные интересы. Такое отношение стоит на рубеже публичного и частного права, и его регулирование носит более принудительный характер.

Тенденции развития права на современном этапе таковы, что смело можно говорить не только о развитии частного права, присутствие которого отрицалось в советский период, но и о расширении сферы его влияния и о его внедрении в публичное право. Одним из примеров такого внедрения является институт частного обвинения в уголовном процессе. Это стало результатом новых подходов к взаимоотношениям личности и государства, признания со стороны последнего частных прав и свобод гражданина приоритетными. Признание интересов личности нашло свое отражение в

Конституциях Российской Федерации и Республики Казахстан. В обеих Конституциях усилены гарантии прав и свобод человека и гражданина. Оба государства признают необходимость построения и совершенствования правового государства.

Одним из направлений в решении задачи построения правового государства является реформирование судебной системы, являющейся одной из основных форм защиты нарушенных прав частных субъектов. Развитие уголовно-процессуального законодательства в обоих государствах выражается в реализации большинства демократических идей и положений, способных более эффективно защищать конституционные права и свободы личности, вовлекаемой в сферу уголовного судопроизводства, и в целом отвечающих потребностям правового государства.

Внесение существенного количества изменений и дополнений не устранило всех вопросов, касающихся единообразного и эффективного применения УПК в судебно-следственной практике обеих стран, и прежде всего такого института, как частное обвинение. Ныне действующее законодательство в определенной степени откорректировало этот институт по сравнению с тем, как он был отрегулирован в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР и Уголовно-процессуальном кодексе КазССР, что позволило, на наш взгляд, избавиться от некоторых присущих ему недостатков. Большинство ученых, сферой научного интереса которых является уголовный процесс, признают процессуальное регулирование упомянутого института пока несовершенным, так как не устранены ранее возникшие проблемы, и, несмотря на разные подходы, приходят к выводу о необходимости его совершенствования на современном этапе.

Не вызывает споров тот факт, что уголовно-процессуальное право входит в систему публичного права, но процедура защиты объектов посягательства преступлений, составляющих особенную часть уголовного права, направлено прежде всего на защиту частного интереса. Поэтому одной из важнейших теоретических и практических задач права стало

осмысление данной проблемы и разработка концепции совершенствования института частного обвинения в свете обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, и в первую очередь частных субъектов.

Положив в основу включения тех или иных правовых институтов в систему частного права частный интерес и способ правового регулирования, мы осмеливаемся включить этот институт в систему частного права. В обоснование своей точки зрения остановимся на понятии частного обвинения, его сущности и задачах.

Юридическая литература предлагала и предлагает множество трактовок. Так, М.С.Строгович под частным обвинением понимал форму уголовного преследования, которое возбуждается только по жалобе потерпевшего, осуществляется им самим и подлежит прекращению в любой стадии процесса в случае примирения потерпевшего с обвиняемым [2, с.101].

В.З.Лукашевич частное обвинение представляет как особый процессуальный порядок рассмотрения дел определенной категории, и возможность их возбуждения не иначе как по жалобе потерпевшего [3, с.29].

К.Ф.Гуценко понимал под делами частного обвинения лишь те дела, по которым потерпевший наделен правом поддержания обвинения [4, с.47].

Для дачи наиболее полного определения института частного обвинения в уголовном процессе ряд авторов склоняется к необходимости отражения как процессуально-правовых, так и материальных признаков. Понятие частного обвинения в материальном значении представляет собой утверждение пострадавшего перед судом о совершении в отношении него преступления, за которое право уголовного преследования передано государством на его усмотрение [5,с.29].

В процессуальном аспекте под делами частного обвинения подразумеваются дела, которые возбуждаются путем подачи в суд заявления потерпевшим или его законным представителем, поддерживающим обвинение, и подлежащие прекращению за примирением сторон или

вследствие отказа от обвинения. Таким образом, должно присутствовать преступление, т.е. вид запретительного поведения, включенный в Уголовный кодекс и предусматривающий соответствующее уголовное наказание. Не вызывает сомнения тот факт, что правом включения противоправного поведения в число преступлений наделен субъект публичного права, а не частного, а решение о привлечении виновного лица к уголовной ответственности принадлежит субъекту частного права.

Термин «частное обвинение» помимо вида уголовно-процессуальной деятельности в процессуальном аспекте может рассматриваться и как вид обвинения, и как форма уголовного судопроизводства (преследования). И то и другое относится исключительно к публичному праву.

Как справедливо отмечали Н.Н.Полянский, М.С.Строгович и другие процессуалисты, уголовные дела частного обвинения содержат ряд обязательных признаков:

- незначительная общественная опасность преступлений;
- необходимость учета при квалификации этих преступлений мнения потерпевшего и его отношения к преступлению;
- преступления частного обвинения совершаются в условиях бытовых отношений между гражданами;
- отсутствие необходимости в производстве предварительного расследования;
- меньшая общественная опасность по сравнению с другими преступлениями [5, с.61].

Реализация института частного обвинения не возможна без наличия в уголовном процессе принципа состязательности. Только данный принцип позволяет в полной мере реализовать частный интерес, нарушенный при совершении противоправного деяния.

В.К.Случевский подчеркивал, что состязательное начало составляет основу как гражданских, так и уголовных процессов и потому мера развития в процессе состязательного начала или противопологающегося ему

следственного начала есть вопрос «политики права» [6,с.65]. Введение принципа состязательности явилось существенным шагом на пути к построению демократического судопроизводства.

Влияние конституционного принципа состязательности в уголовном процессе повлекло развитие уголовно-процессуального права с позиций приоритетности защиты прав и свобод человека. Так, целью уголовного процесса является уголовное преследование и назначение справедливого наказания виновному, а также отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, примирение сторон.

Необходимость совершенствования судопроизводства с целью соответствия его критериям справедливости и демократическим началам защиты прав и свобод личности можно назвать «одним из объективных оснований выделения частного обвинения в самостоятельный вид обвинения, а дел частного обвинения - в особую категорию дел» [5, с.55].

Дела частного обвинения – это такие дела, которые могут быть возбуждены только мировым судьей лишь по заявлению потерпевшего или его законного представителя, а также прокурора, вступающего в уголовный процесс, если потерпевший не может защитить свои права и законные интересы. Исключительным основанием для возбуждения уголовного дела частного обвинения является заявление.

Таким образом, постановление о возбуждении уголовного дела, выносимое органом дознания или предварительного следствия, относящимся к субъекту публичного права заменено заявлением потерпевшего, являющегося субъектом частного права, и реализующим свой частный интерес.

Принцип состязательности предполагает равенство сторон уголовного процесса перед судом, что служит гарантией защиты прав и интересов граждан, потерпевших от преступления, а также защиты личности от необоснованного обвинения и осуждения.

Данные требования в соответствии со ст. 318 УПК РФ носят обязательный характер, и в этом проявляется публичность.

Не может являться основанием для возбуждения уголовного дела частного обвинения заявление потерпевшего, признанного недееспособным в силу возраста или психического развития. Подобное заявление служит поводом для проверки прокуратурой или органами внутренних дел обстоятельств преступления, о которых говорится в заявлении. В данном случае право и обязанность защиты частного интереса возложена на институты публичного права в силу того, что частный субъект не может самостоятельно защитить свои права и принять осознанное решение о привлечении к уголовной ответственности либо освобождении от нее нарушителя его права. В такой ситуации усматривается тесная связь между институтами публичного и частного права и реализуется весь порядок защиты прав недееспособных.

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, посвященных институту частного обвинения, можно сделать выводы о том, что усиливается тенденция того, что частное и публичное право все глубже проникают друг в друга, и прежде частное - в публичное. Это подтверждается использованием рядом институтов публичного права диспозитивного метода правового регулирования и защитой частного интереса, что положено в основу отнесения того или иного элемента права к системе частного права.

-
1. См. работы Лазарева, Марченко М.Н., Нерсисянца В.С., Сергеева А.П., Сулейменова М.К., Суханова Е.А., Толстого Ю.К., Шершеневича Г.Ф., Царькова И.И., Эрделевского А.М., и др.
 2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. - М., 1958.
 3. Лукашевич В.З., Каткало С.И. Судопроизводство по делам частного обвинения. - Л., 1972.
 4. Гуценко К.Ф. Частное обвинение в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1957. №10.
 5. Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. - М., 2001.

В.Л. КОНОН,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат исторических наук

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – ЭПОХА УТВЕРЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА (V-XVIII вв.)

Средневековье (промежуточная эпоха между двумя великими европейскими культурами - античной и новой, начавшейся с Возрождения) – время многообразных социально-экономических и государственно-правовых процессов, совершавшихся и различных частях мира.

Во всемирно-историческом масштабе ведущей тенденцией развития этой эпохи стало утверждение феодализма, явившегося важным шагом вперед относительно рабовладельческого и, тем более, первобытно-общинного строя. Генезис феодализма в разных регионах мира был неодинаков как по содержанию, так и по форме и времени свершения [1].

Наиболее раннее, постепенное развитие нового способа производства отмечается в центрах древней цивилизации и соответственно государственности: Ханьском царстве в Китае, государстве Гуптов в Индии, Кушанском царстве в Средней Азии, царстве Сасанидов в Иране и Месопотамии [2].

В поздней Римской империи распадались рабовладельческие отношения и зарождались отдельные элементы «протофеодальных» [3]. Некоторые народы переходили к феодализму и феодальному государству, непосредственно от первобытных к более перспективным формам организации экономической, социальной и политической жизни. Уникальность западноевропейской цивилизации, во-первых, заключалась в унаследовании от античности частной собственности, выступавшей в виде феодальных поместий, и христианской религии [4].

И, во-вторых, с большой силой (особенно в эпоху Ренессанса) проявилось влияние античных традиций, когда в рамках феодального строя с невиданной для всего тогдашнего мира быстротой складываются материальные и духовные предпосылки капитализма, как новой социально - экономической формации. В целом, говоря о возникновении и развитии

раннефеодального государства и права, и давая определение феодального государства, отметим, что оно представляет собой организацию класса феодальных собственников, созданную в интересах эксплуатации и подавления правового положения крестьян. Именно поземельные отношения и собственность феодала на главное средство производства - землю и установление прямой власти феодала над личностью крестьянина, определяли в то время само лицо общества, характер его социального и политического строя. Для феодальной земельной собственности были характерны следующие особенности: ее иерархический характер; сословный характер; ограничение права распоряжаться землей, а некоторые категории, например, церковные земли, вообще были изъяты из гражданского оборота. Отсюда вытекает сложная иерархическая сословная система феодального общества, когда земельная собственность выступала в качестве непосредственного атрибута политической власти [4]. В то же время, сословное деление феодального общества сопровождалось установлением особого юридического места для каждой группы населения. Господствующий класс феодалов в целом и каждая его часть в отдельности представляла собой более или менее замкнутые группы людей, наделенные закрепленными законом привилегиями - правом собственности на землю, владением крепостными и монополией на право участия в управлении и суде. Отношения между феодалами в Европе строились на основе зависимости одних феодалов от других. Одни феодалы выступали в качестве сеньоров, другие – в качестве вассалов. Сеньоры давали своим вассалам земли и гарантировали им свою защиту, вассалы были обязаны по отношению к сеньорам военной службой и некоторыми другими повинностями. Отношения сюзеренитета – вассалитета создавали специфическую политическую иерархию внутри феодального государства. Действовала классическая форма вассалитета: «ВАССАЛ МОЕГО ВАССАЛА - НЕ МОЙ ВАССАЛ». Это означало, что вассал нес обязанности только по отношению к своему непосредственному сюзерену, от которого получил землю. Анализ

развития феодальных отношений показывает, что типичной формой феодального государства была монархия, которая за время своего развития прошла ряд этапов:

1. Раннефеодальная монархия (V-IX вв.), характерная для периода становления феодальной собственности, когда формирующийся класс феодалов группируется вокруг политически укрепившейся власти короля. В этот период складываются первые относительно крупные феодальные государства.

2. Вассально-сеньориальная монархия (X-XIII вв.) – период расцвета феодального способа производства и господство натурального хозяйства, сопровождающиеся переходом власти от короля к отдельным феодалам и организацией государственной власти на основе феодальных связей. Эти два периода и характеризовали становление и развитие раннефеодальных государств и права.

3. Сословно–представительная монархия (XIV-XV вв.) и абсолютная монархия (XVI-XVII вв.) характеризовали процесс централизации государства и возникновение королевской власти, а также сосредоточение всей полноты государственной власти в руках короля, что способствовало утверждению т.н. абсолютной монархии.

Параллельно со складыванием феодальной государственности шел процесс становления феодального права. Во-первых, основное место в феодальном праве, основное на ранних этапах, занимают нормы, регулирующие внеэкономическое принуждение. Во-вторых, феодальное право в значительной степени является «правом привилегий», закрепляющим неравенство различных сословий. Оно наделяло правами (или урезало их) в соответствии с тем положением, которое занимал человек в обществе. В-третьих, в феодальном праве не было привычного для нас деления на отрасли права. Существовало деление на ленное право, церковное право, городское право и т.д., что объясняется его основным принципом.

В-четвертых, огромное влияние на феодальное право оказали церковные нормы, нередко превращавшиеся сами в нормы права. Характерной чертой феодального права являлся партикуляризм, т.е. отсутствие единого права на всей территории государства и господство правовых систем, основанных на местных обычаях. Феодальное право было первым опытом классового общества. И по своей внешней форме, и по степени разработанности отдельных институтов оно уступало римскому праву, которое в Западной Европе было активно востребовано и переживало второе рождение, так называемую «рецепцию» римского права (в теории права это означает заимствование или воспроизведение какой-либо национальной правовой системы). Особое развитие получило городское право. С ростом и развитием городов здесь появились собственные городские суды, вытеснявшие применение ленного и дворового права в городах. Специфической системой права в Средние века было и каноническое право.

Таким образом, феодализм явился более прогрессивной экономической формацией, ему присущ более высокий уровень развития производительных сил. Феодальному строю характерно безраздельное влияние церкви; с усилением феодальной эксплуатации получает дальнейшее развитие борьба крестьян против закрепощения и гнета феодалов. Феодальное же право для многих народов было первым правовым опытом классового общества.

-
1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века. / (составитель В. А. Томсинов). - М.: ИКД «Зерцало». – М., 2004. С. 8-36.
 2. Законы Вавилонии, Ассугин и Хеттского царство (Предисловие, перевод и комментарий под редакцией И. М. Дьяконова) / Вестник древней истории 1952 - № 3,4.
 3. Тит Ливий. История Рима от основания города. - Том 1. - М., 1989. С. 143-145.
 4. Всеобщая история государства и права. Том 1. Древний мир. Средние века. (Под редакцией В. А. Томсинов). - М.: ИКД «Зерцало», 2002.

В.В. ЛЮЦИК,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук

О КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ УМЫСЛА

Необходимой предпосылкой установления умышленной формы вины является правильное понимание не только характерных признаков умысла, но и его классификации.

У средневековых юристов было распространено деление умысла на *dolus antecedens*, *dolus consequens* и *dolus subsequens* (то есть умысел заранее обдуманый, внезапный и последующий). Практического значения это деление не имело, так как *dolus antecedens* и *dolus consequens* совпадают с другим делением, т.е. с делением на обдуманый и внезапный умысел, а третий вид (*dolus subsequens*) представляет собою бессмыслицу, ибо нельзя говорить об умисле, появившемся уже после совершения преступления [1, с.166]. Следующее деление *dolus determinatus* и *dolus indeterminatus* (определенный и неопределенный умысел). *Dolus determinatus* – это умысел, направленный на определенные, т.е. специально предвиденные виновным, последствия. Разницу между этим видом умысла и так называемым *dolus directus*, т.е. прямым умислом, установить трудно. Понятие *dolus indeterminatus* не было достаточно устойчивым и то приравнивалось к альтернативному умислу (как это делал А.Фейербах), то объявлялось родовым понятием для *dolus alternatives* и *dolus eventualis* (как это делал К.Миттермайер) [1, с.167]. *Dolus alternativus* – альтернативный умысел - хотя и имел некоторое значение в практике, но часто смешивался с неопределенным умислом. Он признавался, когда субъект равно предвидел и желал каждого из нескольких возможных результатов своего действия. *Dolus generalis* – общий умысел, он сыграл определенную роль в практике. Следующий вид умысла – это *dolus specialis*, т.е. умысел, сочетающийся с особой, специальной целью, например, с целью оскорбления короля. Однако для конструирования особого вида умысла в таких случаях нет никакой необходимости. Еще было деление умысла на *dolus praemediatus* (заранее обдуманый умысел) и *dolus impetus* (внезапный умысел). Это деление сыграло некоторую роль в истории уголовного законодательства. И, наконец, *dolus directus* и *indirectus*, т.е. прямой и не прямой умысел. Определенную,

глубоко негативную роль сыграло введение в практику *dolus indirectus*, при котором субъекту вменялись в вину все возможные последствия его деяния, в том числе и случайные. Этот вид умысла создал большое количество литературы и служил предметом многих дискуссий у средневековых юристов. Он явился фактическим приемом обоснования объективного вменения.

Все эти виды умысла, сыгравшие определенную роль главным образом в средневековой доктрине и частично в новое время, потеряли впоследствии всякое значение и в настоящее время представляют лишь ретроспективный интерес. Однако случались редкие попытки возрождения отдельных из приведенных выше видов умысла. Мы считаем необходимым остановиться на некоторых классификациях умысла подробнее.

Вопрос о классификации видов умысла обсуждался и в русской уголовно-правовой науке еще в XIX - начале XX веков. В основном споры касались деления умысла на виды в зависимости от содержания интеллектуального и волевого элементов. Так, например, Г.С.Фельдштейн считал, что в рамках «вины сознаваемой» границы между ее отдельными разновидностями не имеют четкого характера и вообще являются условными, поэтому не видел качественного различия между желанием, сознательным допущением и легкомысленным расчетом избежать последствий [2, с.69-70]. А по мнению Э.О.Колоколова, «*dolus eventualis* существует только в фантазии криминалистов, а не есть что-либо существующее в действительной жизни» [3, с.126]. Некоторые русские ученые пытались теоретически обосновать деление умысла на виды в зависимости от особенностей содержания его интеллектуального и волевого элементов. Так, В.Д.Спасович [4, с.157-158] и Н.Д.Сергеевский [5, с.267] наряду с прямым и косвенным (эвентуальным) умыслом выделяли и такой его вид, как непрямой умысел. Однако эти классификации не имели единого классификационного критерия и не содержали конкретно определенной теоретической характеристики каждой разновидности умысла.

Любая классификация может быть правильной и практически значимой, если за ее основание взять стабильный признак, который выражает существенное свойство и передает качественное своеобразие классифицируемых явлений. Мы полностью разделяем мнение Г.А.Кригера и Н.Ф.Кузнецовой, что «во всякой классификации главным условием ее плодотворности выступает правильный выбор критериев, оснований членения» [6, с.74]. Выявляя основания классификации видов умысла, Н.С. Таганцев писал: «Виновность представляет известное отношение между совершаемым правонарушением и нашим представлением о нем; в различии этого соотношения лежит основание деления виновности на виды» [6, с.6].

Деление умысла на виды в зависимости от особенностей «нашего представления» о деянии, т.е. от интенсивности и структуры интеллекта, а также направленности воли, служат основой классификации умысла на его виды, которая прямо вытекает из законодательного определения умышленной вины. Здесь речь идет о делении умысла на прямой и косвенный (эвентуальный), о классификации, целесообразность которой в настоящее время не оспаривается никем из казахстанских и российских юристов.

Умысел – это наиболее распространенная в законе и на практике форма вины. Из каждых десяти преступлений около девяти совершается умышленно. В законодательном определении умышленного совершения преступления статья 20 УК РК 1997 года впервые разделена на две части, определяющие соответственно прямой и косвенный умысел (то есть на законодательном уровне закреплено деление умысла на два вида). В трактовке данных формул выделяют три характерных признака:

- 1) сознание лицом общественно опасного характера деяния;
- 2) предвидение его общественно опасных последствий;
- 3) желание либо допущение этих последствий.

Первые два признака (сознание и предвидение) образуют интеллектуальный момент умысла, третий компонент (желание либо

допущение) составляет волевой признак умысла. Интеллектуальный элемент определяет содержание умысла, а волевой элемент – его направленность. Различие между прямым и косвенным умыслом проводится по степени предвидения последствий. Лицо, которое действует с прямым умыслом, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий. А субъект, который действует с косвенным умыслом, предвидит реальную возможность наступления преступного результата. Различие между прямым и косвенным умыслом по волевому моменту заключается в том, что при прямом умысле виновное лицо желает наступления общественно опасных последствий, а при косвенном умысле – сознательно допускает их наступление.

Например, с прямым умыслом на убийство действовали гражданин Ч., гражданин Р. и гражданин С., которые ночью по предварительному сговору особо дерзко нарушая общественный порядок, прерывая ночной покой и отдых граждан, проживающих по соседству с гражданином К., путем взлома входной двери незаконно вторглись в квартиру последнего. Далее они, сопровождая свои действия повреждением чужого имущества и применением насилия к гражданину К., отрезанным от одеяла лоскутом связали его руки, вывезли в район лесопосадок у речки «Малая Алматинка» и продолжили избивание потерпевшего. При этом Р. с помощью ножа попытался нанести удар в область спины К., а С. с помощью найденного на месте камня лежавшему на земле потерпевшему, удерживаемому Р. и Ч., нанес пять ударов по голове, причинив переломы костей свода и основания черепа, ушиб головного мозга и тупую травму головы, вследствие чего наступила смерть гражданина К. Затем Ч. ножом, переданным ему Р., причинил гражданину К. посмертную резаную рану шеи. После этого Р., Ч. и С., убедившись, что гражданин К. мертв, бросили труп потерпевшего в реку и покинули место происшествия [7]. Граждане Р., Ч. и С., избивая потерпевшего и нанося ему, удары с помощью ножа и камня в жизненно важные части тела К., сознавали общественно опасный характер своих

действий, предвидели, что в результате их неизбежно наступит смерть потерпевшего и вполне естественно желали этого.

С косвенным умыслом на убийство действовал, например, гражданин М., который, сопровождая груз, находившийся на железнодорожной платформе, заметил подростков, которые бросали в состав камни. Чтобы отпугнуть подростков, М. бросил в них металлический штуцер, которым причинил смертельную рану одному из подростков. Бросая штуцер с близкого расстояния, М. сознавал опасный характер своих действий, предвидел возможность причинения смертельной травмы подросткам и, хотя не желал лишиться кого-либо жизни, однако сознательно допустил такого рода последствия [8, с.39].

Различия прямого и косвенного умысла по волевому моменту не вызывают никаких сомнений и разногласий. Однако существующие различия во взглядах по вопросу деления умысла на прямой и косвенный касаются в настоящее время главным образом психологического содержания каждого из названных видов умысла.

При прямом умисле субъект предвидит конкретный фактический результат и уверен в его наступлении. Субъективная оценка возможности наступления результата очень высока. Реальная же оценка возможности наступления этого результата значения для оценки интеллектуального момента умысла может и не иметь. При этом психическое отношение субъекта к своему действию и его результату (одобрение, отрицание, сожаление и т.д.) никакого уголовно-правового значения не имеет. В волевом моменте прямого умысла «желание» имеет уголовно-правовое содержание, определяющее не только стремление субъекта к результату своих действий, но и уверенность в его наступлении.

При косвенном умисле, также как и при прямом умисле, психологическая картина состоит в предвидении определенного результата.

Однако юридически важным является результат, который, в этом случае, является для субъекта побочным, косвенным. То есть, этот

юридически значимый результат в сознании субъекта «расположен» рядом, но в стороне от главного. Именно в этом смысле этот результат будет для субъекта индифферентным. «Безразличие», также как и «желание» в прямом умысле, в косвенном умысле является юридическим определением, показывающим не психическое отношение к последствию, а только место, которое занимает данный результат в сознании субъекта.

Не следует забывать, что деление умысла на виды - прямой и косвенный – помимо чисто теоретического имеет немалое практическое значение. Строгое разграничение обоих видов умысла необходимо, во-первых, для правильного применения ряда институтов уголовного права (таких как приготовление, покушение, соучастие и др.), во-вторых, для квалификации преступлений, законодательное описание которых предполагает только прямой умысел; в-третьих, для определения степени вины; в-четвертых, для индивидуализации уголовной ответственности и наказания [9, с. 87].

Таким образом, различие прямого и косвенного умысла в интеллектуальном моменте имеет и психологическую, и юридическую природу. Оба вида умысла различаются по содержанию как интеллектуального, так и волевого элементов. Различие в интеллектуальном элементе заключается в неодинаковом характере предвидения последствий: прямой умысел характеризуется предвидением неизбежности, а косвенный – только реальной возможностью наступления общественно опасных последствий. Но доминирующее, определяющее различие между прямым и косвенным умыслом содержится в волевом элементе: прямой умысел характеризуется желанием, а косвенный – сознательным допущением общественно опасных последствий.

-
1. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950.
 2. Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. – М., 1902. – 569 с.
 3. Колоколов Э.О. Уголовное право. Курс лекций. Общая часть. – М., 1892- 1893.
 4. Спасович В. Учебник уголовного права. - СПб., 1863. - Т. 2, вып. 4.

5. Сергеевский Н.Д. Уголовное право: Пособие к лекциям. Часть Общая. – Пг., 1915.
6. Кригер Г.А., Кузнецова Н.Ф. Новое уголовное законодательство и его научно-практическое значение // Советское государство и право.–1984. - № 1.
7. Уголовное дело № 027506030286 // Архив Алматинского городского суда за 2002г.
8. Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве. – Орел, 1996.
9. Пионтковский А.А. Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. – М., 1954.

Е.А. МОРОЗОВА,

преподаватель кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОПРОСОВ ГРАЖДАНСТВА

Взаимосвязь государства и гражданина – проблема, свойственная обществу. Исследование любого института государственного гражданства представляет значительный научный интерес и имеет практическое значение для государственного строительства как Республики Казахстан, так и других государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Право человека на гражданство является одним из важнейших неотъемлемых прав, основа правового положения личности как внутри любого государства, так и в международном общении. Это провозглашено еще Всеобщей декларацией прав человека, содержащей статью 15: «Каждый человек имеет право на гражданство».

В Конституции Республики Казахстан 1995 года – основном законе государства – вопросам гражданства посвящена отдельная глава. В соответствии с Конституцией, каждый человек в Республике Казахстан имеет право на гражданство и его изменение; лица, находящиеся на территории Республики Казахстан и не являющиеся ее гражданами, пользуются всеми правами и свободами, а также несут все обязанности, установленные Конституцией, законами и межгосударственными договорами Республики Казахстан, за исключением межгосударственными договорами Республики Казахстан [1].

Понятие «гражданство» по законодательству состоит из трех элементов:

1) связь лица с государством должна быть устойчивой, а не временной (человек не может по своему желанию то принимать, то отказываться от гражданства);

2) связь человека с государством носит политико-правовой характер. (государство может вступить в правовые отношения с любым лицом, не являющимся гражданином Республики Казахстан, но политические отношения могут возникать только между государством и его гражданином);

3) между государством и гражданином устанавливаются взаимные права и обязанности.

В Республике Казахстан вопросы приобретения и прекращения гражданства регулируются Законом Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» от 20 декабря 1991 г. [2, с.95]. Этот Закон устанавливает, что гражданами Республики Казахстан являются лица, которые:

1) постоянно проживают в Республике Казахстан на день вступления в силу Закона о гражданстве - с 1 марта 1992 г.;

2) родились на территории Республики Казахстан и не состоят в гражданстве иностранного государства;

3) приобрели гражданство РК в соответствии с Законом.

За гражданином Республики Казахстан не признается гражданство другого государства [3].

Далее Закон содержит норму о том, что гражданство может быть приобретено по основаниям, предусмотренным межгосударственными договорами с участием Республики Казахстан. В качестве примера можно привести соглашение между Республикой Белоруссией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства, которое было подписано в г. Москве 26 февраля 1999 г.

Приобретение гражданства по основаниям, указанным в межгосударственном договоре, может быть также связано с оптацией -

добровольным выбором гражданства при территориальных изменениях, образовании новых государств или в целях устранения или предоставления двойного гражданства.

Республика Казахстан создает условия для возвращения на ее территорию лиц, вынужденно покинувших территорию республики в периоды массовых репрессий, насильственной коллективизации, в результате иных антигуманных политических акций, и их потомков, а также для казахов, проживающих на территории других государств.

Институт гражданства относится преимущественно к области внутригосударственного права, но в современный период его международно-правовое значение возрастает. Это объясняется усложнением межгосударственных связей, сопровождающихся, в частности, усилением миграции, что, в свою очередь, увеличивает вероятность споров между государствами, касающихся правового положения конкретных лиц или определенных групп населения.

Проблема международно-правовой регламентации вопросов гражданства уходит корнями в глубокое прошлое, во времена ранних этапов становления права как такового. Конечно же, о гражданстве, в полном смысле слова, говорить тогда не приходилось, однако социально-политические основы данного правового института были заложены уже тогда, собственно, они же и обусловили правовую сущность гражданства.

В международной практике со временем выделилось несколько наиболее проблемных, наиболее трудно поддающихся регулированию в практике международных отношений аспектов гражданства, связанных с вопросами приобретения и утраты гражданства, а также множественного гражданства и безгражданства.

Наиболее рельефно эта двойственность выразилась в институте двойного гражданства. Все большую актуальность вопросы гражданства приобретают в связи с проблемой глобализации общественных отношений. Границы государств становятся все менее непреодолимыми, государства

вступают в союзы, заключают международные договоры, предусматривающие создание единого экономического пространства. Миграция рабочей силы между государствами, ведущая к значительному увеличению численности эмигрантов, необходимость интеграции лиц, постоянно проживающих в стране, имеющих гражданство, большое число свободных браков между лицами с разным гражданством и много других подобные проблемы являются общими для многих государств, в связи с чем, в международном праве и в конституционном праве постоянно проводится работа по регламентации вопросов гражданства.

Значение гражданства в международном праве не остается неизменным на протяжении истории. Оно зависит от уровня развития человеческого общества в конкретную эпоху, социально-экономического строя государств и других факторов. Международное право по своей природе является межгосударственным и не регулирует непосредственно поведение отдельных лиц. Тем не менее, известное влияние на их положение оно оказывает. Это влияние проявляется прежде всего в том, что государство, действуя во исполнение своих международных обязательств, либо реализуя свои права международного характера, наделяет индивидов, находящихся в его юрисдикции, определенными правами и обязанностями, предусмотренными в его внутренних актах. Только в таком смысле и можно говорить о статусе личности в международном праве.

Институт гражданства связан не только с реализацией государственного суверенитета, а и с обязанностью государства обеспечивать защиту прав законных интересов граждан данного государства. С незапамятных времен государства осуществляют сотрудничество по вопросам гражданства и правового статуса иностранцев. Объясняется это заинтересованностью государств в защите прав своих граждан, находящихся за границей. Вместе с тем международное общество стремилось также обеспечить правовую защищенность и иностранцев.

В то же время насущная необходимость в разрешении указанных проблемных сфер в международно-правовой регламентации гражданства позволила государствам выработать некоторые правовые механизмы их урегулирования - стало возможным говорить о формировании международно-правового института гражданства, что, однако, не затрагивало саму сущность политико-правовой связи гражданства, по-прежнему сводящуюся к специфическому взаимоотношению частного лица с конкретным государством.

Сложность устранения противоречий политических и классовых интересов государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам, является причиной того, что по вопросам гражданства заключено мало универсальных международных договоров. Государства в основном регламентируют вопросы гражданства на основе региональных соглашений, как правило, заключенных между государствами, принадлежащими к одной социально-экономической системе. Отдельные вопросы, такие как устранение двойного гражданства (бипатризма), включаются в договоры о территориальных изменениях, о защите национальных меньшинств, о правовой помощи и правоспособности граждан договаривающихся государств, о срочной службе в армии и о двойном налогообложении.

Договоры в области гражданства можно разделить на две основные группы: договоры об устранении двойного гражданства и договоры об устранении безгражданства (апатризма), хотя некоторые международно-правовые акты содержат положения, направленные на устранение как бипатризма, так и апатризма.

Как правило, в российской, да и зарубежной литературе рассматривается вопрос двойного гражданства, обладателей которого еще называют бипатридами (от *би...* и греч. *patris*, род. падеж *patridos* — отечество, родина) и биполидами (от *би...* и греч. *polis* — граждане, государство). Двойное гражданство является частным случаем

множественного гражданства. В связи с тем, что употребление этого термина, ставшего привычным в правовой литературе, и рассмотрение проблем двойного гражданства может привести к неосознанному сужению поля правового исследования и, следовательно, одностороннему и упрощенному рассмотрению вопросов множественного гражданства, считаем целесообразным использовать преимущественно последний термин. Он является более широким по своему значению, включает в себя термин "двойное гражданство" и отражает современные подходы к рассмотрению данной темы. Следует отметить, что термин "множественное гражданство" уже на протяжении более тридцати лет используется в рамках Совета Европы [4].

Если у Вас нет гражданства одной из стран СНГ, то для приема в гражданство России и др. стран СНГ установлены требования возраста, дееспособности, постоянного проживания на территории государства и *отказ от гражданства других государств*. То есть, гражданин Израиля для того, чтобы приобрести гражданство России, Украины и др. стран, должен отказаться от израильского гражданства.

Российская Конституция (ст. 62) и Закон РФ о гражданстве (ст. 3) допускают двойное гражданство. Суть двойного гражданства заключается в праве граждан России иметь и гражданство другого государства в соответствии с федеральным законом РФ или ее международным договором. Казалось бы, должно быть возможно и обратное: двойное гражданство означает и для иностранца возможность приобретения, в качестве второго, гражданства России. Однако, как это ни парадоксально, в российском Законе о гражданстве сначала было записано прямо противоположное: приобретение гражданства РФ иностранным гражданином "допускается при условии его отказа от прежнего гражданства, если иное не предусмотрено международным договором" РФ (ч. 1 ст. 3). То есть предполагалось, что будут договоры с другими странами, прежде всего бывшими республиками в

составе СССР, об использовании статуса двойного гражданства, в остальном же предоставление российского гражданства предполагает отказ от иностранного. Однако республики не пошли на заключение подобных соглашений. И тогда формулировка, приведенная выше, в 1993 г. была заменена. Теперь Закон гласит, что за лицом, состоящим в гражданстве РФ, не признается принадлежность к гражданству другого государства, если иное не предусмотрено международным договором РФ (ч. 1 ст. 3). Тем самым стало возможным приобретение российского гражданства с сохранением гражданства другого государства, но на условиях межгосударственного соглашения [5].

Таким образом, обобщая все вышесказанное, подчеркнем, что при решении вопросов гражданства следует учитывать интересы государства, однако государство всегда должно представлять, в состоянии ли оно оказывать защиту и покровительство своим гражданам, не лишаются ли они его поддержки, став одновременно гражданами другого государства.

-
1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года.
 2. Сапаргалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан. – Алматы, 2004.
 3. Закон Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» от 20 декабря 1991 г
 4. Григорьев А. Регламентация множественного гражданства в рамках европейских международных региональных организаций // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000 — № 3.
 5. Закон РФ о гражданстве от 31.05.2002.

Б.Б. МУСИНА,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСШИРЕНИЯ ФУНКЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Сегодня существование демократического, цивилизованного государства, каким является Казахстан, трудно представить без активной деятельности политических партий. Политические партии занимают исключительную позицию в процессе функционирования государственной власти, но не менее важна их роль в формировании гражданского общества.

Партии производят отбор по интересам среди отдельных групп граждан, которые активизируют свою деятельность согласно Закону Республики Казахстан «О политических партиях». Политическая партия - это активная и организованная часть общества, объединенная общими интересами, целями или идеалами и стремящаяся овладеть государственной властью или решающим образом влиять на ее осуществление. Партии были во все времена. Политические партии играют важную роль в жизни общества и государства. Многопартийная система Казахстана формировалась вместе с развитием и становлением всей политической системы Республики Казахстан и одновременно являлась фундаментом демократического общества. В переходный период именно политические партии выдвигаются на ведущие роли формирования нового государства.

В Казахстане становление действующей политической системы пришлось на более позднее время. Это связано с тем, что народ еще не сформировал своего отношения к происходящим событиям. Народу Казахстана не пришлось бороться за свою независимость в период распада Советского Союза. Не было активных политических действий в виде различных революций и переворотов. Суверенитет и независимость утвердились в мирных условиях. Это затормозило развитие политического сознания. На первом месте стояли экономические проблемы и вышедшие из них социальные трудности. Девяностые годы XX в. явились периодом перестройки.

Надо отдать должное народу, который достойно пережил, и правительству, и в первую очередь Президенту, которым удалось построить новое государство - Казахстан. Политические партии тогда переживали свое новое рождение. Оно стало более оформленным тогда, когда экономическая основа государства стала развиваться стабильнее за счет реформ. Что естественно нашло свое отражение и в политической жизни страны. Одним из первых законов суверенного Казахстана является Закон РК «О политических партиях». В законе дается понятие политической партии как

добровольного объединения граждан Республики Казахстан, выражающее политическую волю граждан, различных социальных групп в целях представления их интересов в представительных и исполнительных органах государственной власти, местного самоуправления и участия в их формировании [1, с.39].

Развитие Казахстанской демократии, в том числе и политических партий, неразрывно связано с международным опытом развития многопартийности в других странах. Современная демократия - это представительная демократия. Требование создания многопартийной системы вытекает из стремления привести партийную структуру в соответствие с плюралистической общественной структурой, поэтому без признания партийного плюрализма и оппозиции любая политическая система не может быть названа ни демократической, ни представительной [2, с.317].

Казахстан идет именно по этому пути. Право на объединение в политические партии является конституционным правом каждого гражданина Казахстана. Граждане Республики Казахстан могут быть членами только одной партии. Членство в политической партии не может быть основанием ограничения прав и свобод гражданина Республики Казахстан. Каждый вправе указывать или не указывать свою партийную принадлежность. Принадлежность к определенной партии гражданина свидетельствует о том, что он принимает идейную направленность мировоззрения той партии, членом которой он становится. Быть партийцем - это значит выработать определенный принцип поведения. Во все времена членами партий становились наиболее активные и организованные члены общества.

Время выдвинуло на ведущую роль Народно-демократическую партию «Нур Отан». Сегодня ее роль и значение для общества не вызывает сомнений. Именно эта партия делает многое для расширения функций политической партии, не нарушая закон. Она делает много для развития страны, но не всегда ее призывы встречают одобрение среди народа. Можно привести примеры, которые, конечно, вызывают недоверие в обществе. Так,

например, партия «Нур Отан» вот уже третий год проводит акцию «Начни с себя», которая предполагает сдачу сведений о доходах министров и акимов. Но надо отметить, что партия «Нур Отан» продолжает свою деятельность в этом направлении, например, она вместе с финансовой полицией проводит акцию «В будущее - без коррупции». В этот раз результаты более радужные - удалось некоторых госчиновников вывести на «чистую воду», отстранить от занимаемой должности и привлечь к ответственности.

Любая политическая партия преследует определенные цели, добиваясь решающих позиций в осуществлении государственной власти, влияния на политическую жизнь и организацию общества. Деятельность политических партий зависит от политического режима. Не допускается вмешательство в деятельность политических партий государства и политических партий в дела государства. Не допускается возложение на политические партии функций государственных органов. Депутаты Парламента, государственные служащие не вправе занимать оплачиваемые должности в политических партиях.

Политические партии сегодня отличаются от политических партий прошлого тем, что изменилась главная цель партии: если раньше это был захват власти, то теперь это благосостояние народа твоей страны через реформы и модернизацию политической системы и экономики. Именно партия «Нур Отан» активно занимается этими проблемами. Использование гражданской инициативы на местном уровне с целью разрешения конкретных проблем, таких, как охрана окружающей среды, снижение уровня безработицы, чистая вода, дешевое жилье, образование и т.д., является одним из важных современных методов деятельности политических партий. На местном уровне нередко образуются независимые объединения избирателей, в которых формируются будущие активные члены политических партий, где они приобретают бесценный опыт работы с народом. Студенческие движения, гражданские инициативы различного толка, движения против терроризма, против наркотиков иногда играют более

важную роль, чем некоторые политические партии, так как они представляют интересы не отдельных социальных групп, а интересы всего общества. Деятельность любой политической партии должна быть построена на принципах взаимосвязи ее с народом. Во всех своих выступлениях Глава государства отмечает то, что главным достоянием и движущей силой расцвета Казахстана является человеческий ресурс – неиссякаемый потенциал нашего общества. На этом базируется фундамент национальной идеи Казахстана.

В первую очередь, это национальное единство, которое является достоянием демократического Казахстана.

Во-вторых, это конкурентноспособная экономика, которая в современном мире выступает одним из самых важных факторов развития государства.

В-третьих, это интеллектуальная созидаящая сила общества. Плановая, обдуманная, ответственная реализация этих направлений будет способствовать успешному развитию республики. Реализация курса на политическую модернизацию казахстанского общества, провозглашенного Президентом, лидером НДП «Нур Отан» Н. Назарбаевым. В этих целях Центральным аппаратом НДП создана Высшая партийная школа.

Для совершенствования деятельности политических партий необходимо учитывать требования времени, которые нуждаются в подготовке партийных кадров высокого профессионального уровня. Это дало возможность создать единый центр обучения кадров современным формам и методам партийной работы. Первые слушатели прошли курс партийной учебы, который состоит из ознакомления с программными документами партии, приоритетами деятельности партии в условиях индустриально-инновационного развития страны, а также путями формирования эффективной системы взаимодействия с населением.

Для эффективности проведения слушаний в партийной школе первыми ее посетителями были руководители первичных партийных организаций,

общественных приемных партии. Это связано с тем, что они являются непосредственными проводниками идей лидера партии и партийных инноваций на местах. С целью улучшения деятельности партийной школы Главой государства предложено создать зональные филиалы школы. Это даст возможность быстрее организовать занятия и собрать по регионам партийцев, которым есть чему учиться друг у друга. Обмен опытом должен стать одним из главных направлений в организации слушаний в этих школах. Глава государства видит именно в нуротановцах на местах тех активистов, которые должны мобилизовать казахстанское общество на выполнение Стратегического плана развития страны.

Организованная подготовка партийных руководителей будет способствовать повышению конкурентоспособности наиболее активной части населения Казахстана. При организации краткосрочных курсов обучения необходимо учитывать динамичные процессы политической и экономической модернизации страны, для этого надо своевременно совершенствовать учебные программы и прилагать усилия по их своевременной адаптации к потребностям и запросам различных категорий слушателей. Роль партии «Нур Отан» занимает в деятельности ВПШ особое место, так как она определяет условия отбора слушателей. Эти условия доступны для всех на сайте школы. Изучение международного опыта и обобщение практики в области партийно-политического обучения показывают, что на высоком уровне поставлено обучение в Московской партийной школе при «Единой России», такой же опыт наблюдается в КНР. Для достижения поставленных целей уровень политической и профессиональной подготовки должен соответствовать, а для этого необходимо регулярно повышать квалификацию в системе партийной учебы. Перед партией должна стоять задача создания необходимых условий для карьерного и интеллектуального роста своих кадров. Время уже доказывает правильность выбора методов подготовки партийных кадров. Это есть актуальный и инновационный проект партии, у которого большое будущее.

Новая Программа партии построена с учетом задач и целей стратегического плана развития Казахстана до 2030 года. Важным моментом в этой программе является то, что она должна стать необходимой для сторонников партии и для народа на ближайшее десятилетие развития Казахстана. Можно было бы внести ответственность партийцев за кандидатуры на должность судьи. Совершенствование судопроизводства связано с широким применением инновационных технологий, за их осуществлением также могли бы наблюдать политические партии.

В законе «О политических партиях» среди прав политических партий есть право проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование [1, с.39], однако роль политических партий сегодня приобретает более выраженную форму консолидации народа, именно от нее народ часто ждет активных действий по вопросам социально-экономического блока. Развитие современного государства показывает, что важнейшим условием полноценного прогресса становится справедливое использование национальных богатств в интересах общества.

Согласно Конституции Республики Казахстан, народ является собственником всех огромных природных ресурсов страны. Это право граждан Казахстана обеспечивает сплоченность народа и является основой для подлинной независимости и полноценного развития страны. На основе этого права политические партии должны создать единую идеологию развития Казахстана, которая должна быть понятна каждому и каждый должен принять ее как принцип отношения его с государством. Это должно в конечном итоге привести к обновлению духовно-нравственного воспитания членов общества. В условиях глобализации вопросы духовно-нравственного, патриотического воспитания, особенно молодежи, являются главной задачей, стоящей перед политическими партиями.

Национальная идеология должна способствовать не разделению членов общества, а ее сближению, выявлению главных проблем в государстве и выработке способов ее преодоления. По мере того, как будет проводиться

политическая модернизация в Казахстане, вырабатываются инновационные подходы к совершенствованию деятельности политических партий в стране, которые развиваются с учетом будущего. Создание комиссии по изучению судебных решений также является формой партийного контроля. Результатом ее деятельности станет совершенствование деятельности судебной системы. На сегодняшний день судьи и их органы не всегда удовлетворяют потребности граждан. Это приводит к снижению доверия к одной из трех ветвей власти. Политические партии, особенно такие, как НДП «Нур Отан», могли бы участвовать в мероприятиях по повышению уровня доверия граждан к судебной системе. Одно дело - повышение профессионального уровня каждого судьи. Но не менее важно повысить требовательность к действующим судьям, кандидатам на судейские должности. Понятно, что политические партии не могут заниматься разработкой и внедрением высоких критериев стандартов для судей, включая квалификационные требования, но что касается морально-этических норм, то политические партии могли бы оказать действенную помощь. Надо как-то решать вопрос о том, чтобы не допускать в одну систему на разных уровнях родственников и представителей одной семьи. Так как главный принцип судопроизводства - независимость и законность - нарушается.

Политические партии через своих представителей могли бы такие моменты отслеживать, не вмешиваясь в деятельность судьи. Расширение функций политических партий в РК даст возможность решить многие проблемы по модернизации и совершенствованию институтов власти и управления, а это, в свою очередь, приведет к обеспечению прав граждан в республике. За период своего существования независимое государство Казахстан успело завоевать всеобщее признание мирового сообщества как, быстро развивающейся страны, активно принимающей участие в мировых интеграционных процессах. Развитие политических партий в Республике Казахстан - одно из достижений современности, и вопросы расширения ее функций в рамках закона - тому подтверждение.

-
1. Закон РК «О политических партиях». - Алматы: Юрист, 2011.
 2. Политология/ под. ред. В.А.Ачкасова и В.А.Гуторова. – М., 2004.

С.Н. РЕХСОН,

профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВОВУЮ СФЕРУ КАЗАХСТАНА

Процесс глобализации, начавшийся во второй половине XX века, активно трансформирует мировые процессы, затрагивая практически все сферы жизни общества и государства и прежде всего международную интеграцию. «Страны стремятся к гармонизации экономической, правовой, социальной, культурной политике в целях упрощения интенсификации международного взаимодействия и обмена, упорядочивания международных отношений, объединенного решения глобальных проблем и, не в последнюю очередь, для реализации своих экономических потенциалов в контексте устремлений стать единственным лидером и архитектором нового, глобального мира» [1, с.26].

Особое значение в условиях глобализации приобретает право, так как на него возлагаются важнейшие задачи: вхождение государств в мировое сообщество; управление глобализационными процессами.

В отличие от стран постсоветского пространства современные западные государства (конфедеративные партнеры) формировали свои государственно-правовые доктрины поступательно, на протяжении длительного исторического периода. В таких государствах была достигнута достаточная степень соответствия между правом и государственными социальными институтами. Поэтому восприятие таких западных образцов как для России, так и для Казахстана не проходит без проблем и противоречий, поэтому так важно рассмотреть закономерности формирования права в период интенсивной мировой глобализации.

Правовая составляющая процессов мировой глобализации является наиболее важным элементом, поэтому представляется необходимым выделить основные правовые тенденции развития правопонимания, влияния современного права на национальное законодательство для выработки рекомендаций по оптимальной трансформации и гармонизации казахстанского права в угоду общемировым тенденциям.

В глобализирующем мире право приобретает новую сущность. Оно больше не является регулятором, ограниченным рамками национальных границ и устоявшихся подходов к его пониманию. Оно становится национально-международной составляющей межгосударственного механизма (взаимодействия). Именно в праве воплощаются тенденции необходимости глобальной взаимозависимости и стремление к интернациональной интеграции, гармонизации, что стало главным направлением развития современного права.

Среди позитивных правовых процессов отмечается объединение государств с целью решения общих глобальных проблем, связанных с повышением эффективности контроля за соблюдением на государственном уровне прав и свобод человека и гражданина. На глобализации демократических правовых ценностей отражается отставание политического мышления от требований глобализационных процессов, что отражается в международных нормативных актах о правах человека.

Подтверждение тому можно обнаружить в таком акте, как Программа Десятилетия международного права ООН, которая в целом отражает суперэтапизированную концепцию международного права прошлого. В ней не нашли должного отражения не только проблемы демократии в целом, но и проблемы такого ее элемента, как уважение прав человека [2, с.9].

Одной из сторон глобализационных государственно-правовых процессов является субъективное создание трудностей на пути утверждения прав человека, заключающихся в стремлении государств к сохранению своих

индивидуальных особенностей, индивидуального подхода к правам человека, и определяемых историей развития и национальными традициями.

Для обществ с развитыми демократическими институтами одной из разработанных отраслей образования должно являться обучение правам и свободам человека. «Так двумя из четырех магистральных направлений деятельности Совета Европы являются: повышение осознания общественной значимости прав человека, совершенствования обучения и информированности о правах человека в школе, вузах и других образовательных структурах. Только до 2000 года Совет Европы принял пять специальных рекомендаций и опубликовал более ста книг, брошюр и других материалов, касающихся не вообще прав человека, а именно проблем обучения правам человека» [3, с.38-39].

Следует указать на важность сдержанного подхода к соотношению европейских «универсальных» стандартов и исторических традиций, религии и национальных культур (цивилизаций). Безусловно, перечень прав человека, содержащихся в международно-правовых актах, носит общечеловеческий смысл, однако необходимо учитывать различие исторических источников формирования национальных правовых систем. Отмечая динамизм права и прав человека, следует принимать во внимание стремление любого общества к национальному и культурному самоутверждению, связанному с отвержением европейских стандартов [4, с.8-9].

Особенностями права в период глобализации являются:

- разносторонность и системность его влияния на общественные процессы;
- фундаментальные изменения и совершенствование теоретико-правовой базы;
- приспособление права к современным реалиям общественной жизни.

Анализ результатов научных исследований западных и отечественных правоведов позволяет выделить некоторые направления воздействия процесса мировой глобализации на право, его теорию и методологию:

- воздействие глобализационных процессов на характер отношений национальных правовых систем, которые следует рассматривать в единстве их противоречий;

- совершенствование, изменение, дополнение старых правовых теорий и возникновение «государственно-правовой модели», в основе которой формируется новая правовая культура и методология познания человеком права в целом и собственных прав в частности [5, с.12].

По мере нарастания глобализационных процессов происходят изменения сущности права, которое становится регулятором надгосударственного уровня. Существенному изменению подвергаются источники и формы права. Наглядным подтверждением может служить процесс становления и развития различных источников права Европейского Союза, таких как учредительные договоры; договоры, вносящие изменения и дополнения в учредительные документы; договоры о присоединении новых государств к Европейскому Союзу; прецеденты, создаваемые Европейским судом справедливости и другие [6, с.282].

Примером может служить также эволюция форм казахстанского права:

- более широкое использование в различных отраслях права нормативного договора;

- появление в системе нормативно-правовых актов указов Президента, имеющих силу закона;

- закрепление в Конституции РК 1995 года положения о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью казахстанской правовой системы;

- если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются нормы международного договора.

Существенное влияние оказывает глобализация и на процесс правотворчества, правоприменения и правоохранительную деятельность

государств, заключающуюся в широком вовлечении межнациональных правовых институтов.

По мере развития процесса глобализации отмечается тенденция усиления роли и значения права судей (судебного прецедента), поскольку предусмотреть все разнообразие и многоаспектность юридических фактов в законах не представляется возможным.

Процессы глобализации в правовой сфере, являясь в основе своей объективными, все же имеют ярко выраженную субъективную направленность, заключающуюся в стремлении отдельных субъектов международных отношений при помощи правовых средств обеспечить собственные национальные интересы.

-
1. Макогон Б.В. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве. канд. дисс. – М., 2010. - 162 с.
 2. Лукашук И.И. Демократия – принцип международного сообщества XXI столетия // Государство и право на рубеже веков. Международное право. – М., 2000 - С. 37-41.
 3. Лебедева М.М. Мировая политика.– М., Аспект Пресс, 2010. – 382 с.
 4. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под ред. чл-корр РАН Е.А. Лукашевой. – М.: изд. НОРМА, 2002 – 448 с.
 5. Савенков А.М. Стратегия развития права в условиях глобализации. – М., Аспект Пресс, 2013 -148 с.
 6. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2008 – 400с.

Ж.Ч. САЛИМБАЕВА,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Особое место в обеспечении действия конституции и ее правовой защиты занимает конституционный контроль. В юридической литературе понятие «конституционный контроль» раскрывается с разных позиций.

Одни ученые считают, что в основу конституционного контроля ложится проверка нормативных правовых актов на соответствие конституции. Например, В.В.Маклаков предлагает под понятием «конституционный контроль» иметь в виду любую форму проверки на

соответствие конституции актов и действий органов публичной власти, а также общественных объединений. М.А.Нудель считает, что «конституционный контроль - это, прежде всего, проверка законов с точки зрения их соответствия конституции» [1, с.7].

Группа ученых юристов конституционный контроль связывают с деятельностью государственных органов. Так, А.Б.Венгеров утверждает, что конституционный контроль - это «деятельность специально созданных государственных органов (в том числе, судов), направленная на проверку соответствия обыкновенных законов, иных нормативных актов конституционным нормам с целью их отмены (с помощью специально разработанной процедуры) тех актов, которые противоречат Конституции» [2, с.78]. М.Домогала, трактует контроль соответствия права конституции как деятельность компетентных государственных органов, удостоверяющих и устраняющих несоответствие конституции законов, а также иных нормативных актов [3, с.20]. С.В.Боботов под конституционным контролем (применительно к США) имеет в виду совокупность властных полномочий Верховного суда, позволяющих ему суверенно оценивать деятельность других государственных органов и должностных лиц и выносить по таким вопросам высшее и окончательное по своим юридическим последствиям решение [4, с.36].

Данные точки зрения сходятся в том, что судебный контроль осуществляется специальными государственными органами. Это могут быть органы исполнительной власти, прокуратура, глава государства и другие уполномоченные органы. А.Б.Венгеров и С.В.Боботов в определениях указывают на суды, которые осуществляют контроль. Но их точки зрения не полностью совпадают в отношении полномочий судов в этой области. Отличие выражается в том, что затронуты полномочия судов разных правовых систем современности: англо-американской правовой системы и романо-германской правовой системы.

В.С.Боботов связывает конституционный контроль с судебным контролем на примере практики судов США. Соединенные Штаты Америки входят в англо-американскую правовую систему, в которой отсутствует институт конституционной юстиции. В странах романо-германской системы права, к которой относится Российская Федерация, Республика Казахстан и другие государства постсоветского пространства, существует система множественности судов и обязательно действует конституционная юстиция или специализированный орган, который отвечает за обеспечение соблюдения конституционной законности. Поэтому судебный контроль может выражаться в двух направлениях: во-первых, контроль со стороны судов общей юрисдикции; во-вторых, контроль осуществляет Конституционный Суд (Совет).

Возникает вопрос о соотношении понятий конституционного контроля и судебного контроля. Судебный контроль осуществляется, прежде всего, через проверку нормативных актов (нормоконтроль). «Под нормоконтролем понимается специальная, осуществляемая в установленных процессуальных пределах и в определенной процессуальной форме разновидность деятельности уполномоченных судебных органов по проверке соответствия нормативных актов иным нормативным актам, обладающим большей юридической силой» [5, с.22]. Конституционный же контроль, в рамках нормоконтроля, проверяет соответствие нормативных актов только конституции. Д.Л.Златопольский предлагает в определенной степени более широкое трактование конституционного контроля. Он считает, что под конституционным контролем следует понимать проверку соблюдения на соответствия и Конституции, и конституционных законов всех других актов высших органов государства [6, с. 68].

Следовательно, конституционный контроль и по содержанию и по тому, что конституционный суд входит в судебную ветвь власти, является составной частью судебного контроля. Однако конституционная юстиция, осуществляющая конституционный контроль, по объему полномочий не

может полностью совпадать с возложенными полномочиями на суды. Если рассматривать с этой позиции, то акты конституционного суда имеют значения не только частного характера, что является постоянным фактом для судов, а, прежде всего, абстрактное значение в силу особого содержания вопроса конституционного характера.

В области конституционного контроля у органов конституционной юстиции имеется более широкий круг правовых возможностей по защите и охране конституционной законности по сравнению с судами общей юрисдикции.

Определив соотношение между понятиями «конституционный контроль» и «судебный контроль», следует рассмотреть соотношение этих понятий и понятия «государственный контроль». Конституционный суд и суды являются органами государственной власти. Поэтому можно предполагать, что и конституционный контроль, и судебный контроль являются частью государственного контроля. «Предметом государственного контроля являются процессы и явления действительности, рассматриваемые с точки зрения их возможного несоответствия намеченным целям, программам, правовым нормам, а также разнообразным интересам общества и его субъектов» [7,с.29]. Представленная точка зрения ученого Е.А.Маштаковой дает широкую трактовку понятию «государственного контроля».

В узком смысле государственный контроль связывают с административной деятельностью [8, с.55] или с исполнительной властью. Так, В.Г.Бессарабов считает, что основная цель государственного контроля – обеспечение государственной исполнительной дисциплины, единства решения и исполнения, предупреждение возможных ошибок и недоработок в деятельности органов государственной власти [9, с.73]. Таким образом, если рассматривать государственный контроль в широком смысле, цель которого, прежде всего, охрана конституционного строя, защита прав человека и гражданина, обеспечение стабильного развития конституционного строя, то

следует утверждать, что конституционный контроль - основной момент государственного контроля. Если же брать в узком смысле государственный контроль, то цели и содержание конституционного контроля могут быть соприкасающимися элементами, а не составными частями государственного контроля.

Отдельная группа ученых рассматривает конституционный контроль как деятельность государственных органов с точным указанием их полномочия. Ю.П.Еременко под конституционным контролем понимает деятельность компетентных органов государства, в процессе которой устанавливается соответствие того или иного нормативного акта (действия) конституции, выносится решение, направленное на устранение обнаруженных нарушений конституционности законов [10,с.131]. Ю.Л.Шульженко считает, что «конституционный контроль - это деятельность компетентных государственных органов по проверке, выявлению и устранению несоответствий нормативных актов конституции законам, в ходе которой данные органы полномочны отменять обнаруженные несоответствия» [11, с.8].

В определениях Ю.П.Еременко и Ю.Л.Шульженко дано, на наш взгляд, основное отличие конституционного контроля от конституционного надзора. В вопросе о соотношении названных понятий в современной науке нет единого мнения. Поэтому изучение научной литературы позволяет выделить три основных подхода к данной проблеме: 1) эти понятия тождественны; 2) конституционный надзор относится к одному из видов конституционного контроля; 3) понятия «конституционный контроль» и «конституционный надзор» не тождественны.

Б.В.Щетинин, являясь представителем первого подхода утверждает, что конституционный контроль и конституционный надзор предусматривают общую цель: осуществление контроля за соответствием конституции текущего законодательства [12, с.165]. Этой точки зрения придерживаются и другие ученые-юристы [13. с.84-85, с.43-48, с.58-77].

В контексте соответствия содержания современного правового регулирования проверочной деятельности С.Н.Назаров предлагает рассмотреть проводимые в юридической литературе следующие критерии разграничения надзора и контроля: 1) возможность органов оценивать деятельность проверяемых органов с позиций ее целесообразности; 2) наличие у органов, осуществляющие административные полномочия для устранения выявленных нарушений и наказания виновных; 3) проверочная деятельность специализированных органов исполнительной власти является для них единственной и основной функцией; 4) осуществление надзорной деятельности прокуратуры только за соблюдением и исполнением законов, а другими органами - контроля как за законами, так и за подзаконными нормативно-правовыми актами. С.Н.Назаров в результате изучения приходит к выводу, что приведенные признаки общности надзора и контроля говорят о необходимости использования единого термина для их обозначения. И предлагает понятие «надзор» рассматривать как деятельность специально созданных для ее профессионального проведения органов государства (служб) в отношении не подчиненных им органов и лиц. Данный термин воспринимается с явно властной интонацией. Осуществлять надзор может лишь субъект государственной власти в пределах своей компетенции. Термин «контроль» правомерно использовать для обозначения проверочной деятельности, осуществляемой неспециализированными органами в отношении подчиненных (подведомственных) структур и руководителей организаций (внутренний контроль) [14, с.18-21].

Сторонники второго подхода считают, что разграничение функций контроля и надзора условно, и что конституционный надзор относится к одному из видов конституционного контроля. Введение же в научный оборот термина «конституционный надзор» полагают можно оправдать только нецелесообразностью выделения особой группы субъектов конституционного контроля, полномочия которых не распространяются

далее опротестования актов и которым не предоставляется право разрешать споры о конституционности по существу [15, с.19-20].

Авторы третьей группы [16, с.19-20, с.186, с.8] считают, что между конституционным контролем и конституционным надзором существуют различия. Конечно, и при конституционном контроле, и при конституционном надзоре речь идет о достижении единой цели. Однако методы деятельности и полномочия этих органов различны.

Полномочиями по осуществлению конституционного надзора обладают в той или иной мере все органы государства, общественные объединения. Для некоторых из них данный род деятельности имеет первостепенное, главенствующее значение. К их числу относятся: парламент, который в ходе подготовки, обсуждения, принятия законопроектов проверяет их конституционность; президент, имеющий право приостанавливать, отменять действие актов подзаконного значения; прокуратура, осуществляющая надзор.

Отдельные авторы под контролем понимают такую деятельность контролирующего органа, при которой орган публичной власти может отменять акты подконтрольного органа. А надзор носит пассивный характер, когда надзорный орган обращает внимание на антиконституционность акта поднадзорного органа, в то же самое время отменить или исправить такой акт может только орган, принявший его или иной, в чью компетенцию входит данный вопрос. Приостановление действия антиконституционного акта может осуществляться в этом случае по предложению надзорного органа [17, с.362].

В.К.Демченко рассматривает контроль как проверку деятельности подконтрольного органа, которую выборочно осуществляет контролирующий орган, самостоятельно используя при этом собственную инициативу, а также внешнюю инициативу. А надзор соответственно определяется как непрерывное наблюдение за функционированием поднадзорного органа [18, с.18].

Таким образом, орган конституционно надзора может лишь обнаружить нарушение конституционности без права аннулирования неконституционного акта. Констатация органом конституционного надзора факта противоречия нормативных правовых актов конституции не служит основанием для привлечения к конституционной ответственности. Санкции в области конституционного надзора могут быть следующими: приостановление действия актов, не соответствующих конституции, обращение в орган, принявший такой акт, с требованием устранить несоответствие, информация соответствующих органов о наличии таких несоответствий. У органов конституционного контроля полномочия гораздо шире. Контроль заключается в самом непосредственном вмешательстве контрольных органов в деятельность контролируемых. Конституционный контроль предполагает, что органы, его осуществляющие, в большинстве случаев имеют право отменить незаконные акты.

Следовательно, право отмены неконституционных актов является ключевым, но не единственным основанием разграничения конституционного контроля и конституционного надзора.

Изучение вопроса о соотношении позволяет выделить такую форму: деятельность органов, выполняющих функции надзора, носит предварительный характер; конституционный надзор выступает как определенная стадия процесса конституционного контроля. Основанием для данных убеждений служит отсутствие возможности окончательно решать вопрос о неконституционности правового акта или действия и не принимать императивные меры к устранению конституционного нарушения. Орган же конституционного контроля выносит решение о несоответствии нормативных правовых актов конституции и принимает меры к устранению конституционного несоответствия.

-
1. Нудель М.А. Конституционный контроль в капиталистических государствах. - М., 1968.
 2. Венгеров А.Б. Проблемы непосредственного действия советских конституционных норм // Проблемы конституционного права. - Саратов, 1969.

3. Домогала М. Конституционные суды: модели работы в соответствии с федеральными государственными системами. //Сборник материалов Международной научно-практической конференции Конституционных судов России, Германии и Словении. - Петрозаводск, 1998.
4. Боботов С.В. Конституционная юстиция. - М. 1994.
5. Яценко В.Н. Судебный контроль нормативных актов// Государство и право. 2005. № 11.
6. Воеводин А.Д., Златопольский Д.Л. Государственное право зарубежных социалистических стран. - М., 1984.
7. Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации// Дисс.на основе уч.ст.канд.юрид.наук. - Ростов-н/Д., 2000.
- 8.Тарасов А.М. Технология государственного (президентского) контроля: элементы эффективности //Право и политика. 2001. № 12.
9. Бессарабов В.Г. Прокуратура в деятельности государственного контроля Российской Федерации // Дисс.на соискание уч.ст.доктора юрид.наук. - М., 2001.
10. Еременко Ю.Л. Советская Конституция и законность. - Саратов, 1982.
11. Шульженко ЮЛ. Конституционный контроль в РФ. - М., 1995.
12. Щетинин Б.В. Проблемы теории советского негосударственного права. - М., 1969.
13. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / Отв. ред. Б.А. Страшун. М., 1999.; Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. - М., 1997.; Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. - М., 1998.
14. Назаров С.Н. Общность признаков надзора и контроля //Правовая политика и правовая жизнь. 2006.
15. Кузнецов И.Н. Контроль за конституционностью актов высших органов власти и управления в социалистических странах Европы // Ученые записки ВНИИ СЗ. М., 1979.
16. Еременко Ю.Л. Нормы Советской Конституции: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - Саратов, 1968.; Курицын В.М. Становление социалистической законности. - М., 1983.; Шульженко ЮЛ. Конституционный контроль в РФ. - М., 1995.
17. Зиновьев А.В. Конституционное право России: Проблемы теории и практики. - СПб: Герда, 2000.
18. Демченко В.К. Юридическая природа актов Конституционного Суда Российской Федерации / Дисс.на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. - М., 2001.

Н.И. СВЕРЧКОВ,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук

**ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ» - ПОДГОТОВКА
КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

Глобальные изменения во всех сферах жизни Советского Союза, ставшие фактом к середине 30-х годов XX столетия, самым непосредственным образом затронули все сферы бытия советского народа.

В это время ситуация внутри Советского Союза начинает приобретать все больше черт стабильности. Несмотря на трудности и перегибы в политике коллективизации и индустриализации, первая пятилетка была успешно проведена, улучшилось продовольственное положение основных

масс населения. Появились бесспорные успехи на ниве развития образования и подготовки квалифицированных кадров. В это же время у Советского правительства появилась возможность впервые отменить карточное распределение продуктов.

Известный в то время английский журнал «Раунд Тэйбл» восторженно писал о развитии промышленности в СССР: «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Нижнем Новгороде, Днепропетровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур, - все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что, каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет... Пятилетний план заложил основы будущего развития и чрезвычайно усилил мощь СССР» [1, с.428].

К середине 30-х годов XX в. претерпел значительные изменения и социальный состав населения СССР (таблица 1) [2, с.9-10].

Таблица 1. Классовый состав населения Советского Союза в 1913 году (в границах СССР) и в 1923 - 1934 годах (по состоянию на 1 января 1934 года)

Классы населения	Классовый состав населения СССР (численность и % к итогу)					
	1913 год		1928 год		1934 год	
	Численность в тыс. чел	в %	Численность в тыс. чел	в %	Численность в тыс. чел	в %

Пролетариат (рабочие, служащие и прочее пролетарское население), в том числе:	23300	16,7	26343	17,3	47118	28,1
- индустриальный пролетариат и служащие	17300	12,4	24124	15,8	41751	24,9
-сельскохозяйственный пролетариат	6000	4,3	2219	1,5	5367	3,2
Колхозники и кооперированные кустари	не было		4406	2,9	77037	45,9
Крестьяне-единоличники (без кулаков) и некооперированные трудящиеся кустари-ремесленники	90700	65,1	111131	72,9	37920	22,5
Буржуазия	22100	15,9	6801	4,5	174	0,10
в т.ч. кулаки	17100	12,3	5618	3,7	149	0,09
Прочее население (учащиеся, армия, пенсионеры и др.)	3200	2,3	3671	2,4	5769	3,4

Одновременно кардинально изменилась структура основных производственных фондов, поскольку, что отметил в своем докладе на VII съезде Советов Председатель СНК СССР В.М.Молотов, «К настоящему времени принципы общественной собственности победили во всех отраслях народного хозяйства в городе и деревне... За последние 2-3 года социалистическая собственность стала основой советского общества» [3, с.12]. В подтверждение своих слов В.М.Молотов привел данные по основным производственным фондам (таблица 2):

Таблица 2. Структура основных производственных фондов СССР по социальным секторам

	1925 год		1934 год	
	в млн. руб	в % к итогу	в млн. руб	в % к итогу
Социалистическое хозяйство	22678	48,8	90334	95,81
Капиталистический сектор	3037	6,5	83	0,09
Мелкое частное хозяйство	20790	44,7	3867	4,16
ИТОГО	46505	100,0	94294	100,0

В таких условиях становилось ясно, что нормы Конституции 1924 года, регулирующие общественные отношения в СССР, стали к этому времени анахронизмом, жить по которым было уже невозможно. Предполагавшиеся изменения и дополнения в нее были в высшей степени паллиативом, поскольку не затрагивали глубоких социальных процессов внутри советского общества.

История распорядилась так, что на необходимость кардинальных реформ политической системы Советского Союза оказывали влияние и внутренний и внешний факторы.

Внешним фактором, потребовавшим обратить внимание на реформирование политической системы стал приход к власти в Германии нацистской партии, сразу же обостривший политическую обстановку в Европе.

Конституционные реформы сдерживались и тем обстоятельством, что Политбюро ЦК ВКП (б) было всерьез обеспокоено проблемой обеспечения безопасности в мировом сообществе. Пришедший к власти в Германии Гитлер уже 3 февраля 1933 года выступил с большой речью на совещании рейхсвера, в которой заявил, что его «первейшей целью будет воссоздание мощных вооруженных сил, чтобы осуществить отвоевание новых рынков сбыта...захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию» [4, с.41].

Большую опасность представляло еще и то, что Гитлера поддерживала Англия. Видный исследователь биографии Гитлера И.Фест отмечал, что «...ничто не укрепляло так уверенность Гитлера в правильном выборе пути, как отклик, который находили его акции как раз по ту сторону Ла-Манша» [5, с.9]. Подтверждением этих слов служит признание тогдашнего премьер-министра Великобритании У.Черчилля: «В то время у меня не было какого-либо национального предубеждения против Гитлера. Я мало знал о его доктрине и о его прошлом и совсем ничего не знал о его личных качествах. Я

восхищаюсь людьми, которые встают на защиту своей потерпевшей поражение страны, даже если сам нахожусь на другой стороне. Он имел полное право быть германским патриотом, если он желал этого. Я всегда хотел, чтобы Англия, Германия и Франция были друзьями» [6, с.52].

Попытки советского руководства создать систему коллективной безопасности перед лицом надвигавшейся новой мировой войны натолкнулись на скрытое сопротивление западноевропейских стран.

В этих условиях советскому руководству ничего не оставалось, как ориентироваться только на собственные силы. Поэтому важнейшей задачей стало укрепление идейно-политического единства страны путем реформирования политической системы, поскольку в СССР все еще существовал рудимент первых послереволюционных лет - социальная прослойка так называемых «классово чуждых элементов» (иначе говоря - «лишенцев»), лишенных ряда политических и социальных прав (таблица 3).

Таблица 3. Численность «лишенцев» различных категорий в СССР в 1926-1929 годах [7]

Категория	1926 год		1927 год		1929 год	
	число	%	число	%	число	%
Использующие наемный труд	37282	3,8	265521	8,8	324057	8,7
Живущие на нетрудовые доходы	143852	13,8	185639	6,2	256624	6,9
Торговцы и посредники	423340	43,3	747829	24,8	802063	21,7
Священнослужители и монахи	148145	15,2	249987	8,3	282835	7,6
«Бывшие» офицеры, чины полиции и др.	87877	9,0	195028	6,5	200417	5,4
Осужденные по суду	51928	5,3	139452	4,6	140909	3,8
Умалитенные и опекаемые	30067	3,1	70660	2,3	72067	2,0
Члены семей «лишенцев» (более 18 лет, иждивенцы)	63263	6,5	1161181	38,5	1628816	43,9
ВСЕГО	1040894	100	3038739	100	3716855	100

Доля «лишенцев» от общей численности избирателей, %	1,63	4,27	4,89
---	------	------	------

Несмотря на то, что число «лишенцев», согласно приведенной таблице, составляло очень малый процент населения, тем не менее, при определенных условиях, они могли представлять большую опасность для государства, особенно в условиях надвигавшейся войны.

Первым шагом в консолидации советского общества явилась так называемая политика «умиротворения», сущность которой заключалась в мероприятиях по повышению доверия населения к центральной власти и укрепления авторитета Сталина. Достижению этих целей способствовало решение двуединой задачи: восстановление в правах уже упоминавшихся «лишенцев» и снижения напряженности в пенитенциарной системе СССР.

Вопрос о «лишенцах» требовал незамедлительного решения по ряду причин. Во-первых, необходимо было устранить всякую возможности создания в их среде потенциальной «пятой колонны». Для этого на территории СССР имелись широкие возможности, поскольку число «лишенцев», как было отмечено выше, насчитывало к началу 30-х годов около 4 миллионов человек [7]. Опасность усугублялась еще и тем, что составной частью нацистских планов завоевания мира являлась мобилизация контрреволюционных (антиправительственных – авт.) сил, которые становились «пятой колонной» Гитлера в организации измены, шпионажа и террора [8, с.192].

Во-вторых, среди «лишенцев» было немало квалифицированных специалистов различных отраслей народного хозяйства, в которых советская промышленность все еще испытывала большую нужду. Также было необходимо отменить ограничения в области получения профессионального образования. 30 декабря 1935 года было опубликовано Постановление ЦИК и СНК СССР, которым отменялись ограничения, допущения к испытаниям при приеме в высшие учебные заведения и техникумы, введенные еще в период революции [9].

В это же время Политбюро принимает два очень важных документа, восстанавливающих конституционные права некоторых категорий граждан и существенно расширяющих число будущего электората за счет тех, кто до последнего времени причислялся к врагам Советской власти. 13 марта 1937 года принимается Постановление ЦИК СССР «О прекращении производства дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности и о ликвидации Центральной избирательной комиссии ЦИК СССР». 5 мая Политбюро принимает постановление «О пересмотре судебных приговоров в отношении инженеров и техников угольной промышленности Донбасса» [10, с.19].

Данные нормативные акты означали, что с этого момента тысячам людей, чаще всего необоснованно осужденных, начиная с «Шахтинского дела», дела «Промпартии» и далее, возвращаются их конституционные права.

Принятие их стало довольно весомой пропагандистской акцией, существенно повлиявшей на настроения технической (и не только) интеллигенции.

С 1933 года был предпринят ряд шагов, направленных на упорядочение деятельности правоохранительных органов в отношении различных категорий населения.

Первым шагом было принятие 8 марта 1933 года ранее неизвестного исследователям постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О разгрузке мест лишения свободы». Это постановление запрещало судебным-следственным органам избрание меры пресечения в виде заключения под стражу с заменой ее, как правило, подпиской о невыезде, поручительством, залогом и тому подобным, по всем делам, кроме дел о контрреволюционных преступлениях, хищении государственного и общественного имущества, спекуляции, тяжких преступлениях против личности, мошенничестве, рецидиве кражи личного имущества, злом хулиганстве и кулацком сопротивлении. Не

подпадающие под указанные категории лица подлежали немедленному освобождению [11, с. 411].

10 мая 1933 года принимается совместное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О разгрузке тюрем», преследовавшее целью поставить под контроль производство арестов, достигшее, в связи с проводимой тогда коллективизацией, невиданного размаха и произвола.

26 июля 1935 года Политбюро утвердило решение «О снятии судимости с колхозников», согласно которому к 1 марта 1936 года с 768989 человек, осужденных по закону от 7 августа 1932 года была снята судимость и они были восстановлены в избирательных правах [12].

Важным шагом на пути "умиротворения" было постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) "О порядке производства арестов", принятое 17 июня 1935 г. Более радикальное, чем знаменитая инструкция от 8 мая 1933 г., постановление предусматривало, что «аресты по всем без исключения делам органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора», а также устанавливало сложный порядок согласования арестов руководящих работников, специалистов и членов партии с руководителями наркоматов, ведомств и партийных комитетов [12]. Новые порядки несколько усложняли работу НКВД и создавали хоть какую-то гарантию от массового произвола.

Все эти решения преследовали одну цель – принципиально изменить соотношение численности избирателей в свою пользу. Заранее, еще до принятия новой Конституции и избирательного закона он хотел расширить социальную базу своих сторонников, в том числе среди тех, кто был лишен гражданских и политических прав после 1918 года.

Успешная реализация политики «умиротворения» придавала уверенности советскому руководству в правильности выбранной линии на проведение конституционных реформ. После принятия в декабре 1936 года новой Конституции СССР планировался последний этап – проведение в 1937 году всенародных альтернативных выборов в Верховный Совет СССР.

Однако последний этап конституционных реформ потерпел полный провал. Организованные партократией массовые репрессии 1937 года против населения не позволили воплотить задуманные планы в жизнь.

-
1. Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. – Тверь: ИИЦ «Союз», 2006, т.2 – 720с.
 2. Ронин С.Л. Конституция СССР 1936 года. – М.: Госюриздат, 1957. – 128 с.
 3. Молотов В.М. «Об изменениях в Советской Конституции» Доклад на VII съезде Советов 6 февраля 1935 года. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. – 48 с.
 4. Курицын В.М. История государства и права России 1929-1940. – М.: «Международные отношения», 1998. - 232 с.
 5. Фест И.К. Гитлер. – Пермь.: Алтайа, 1993, т.3. - 544 с.
 6. Черчилль У. Вторая мировая война. – М.: Воениздат, 1991. кн.1. - 592 с.
 7. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 - конец 1930-х гг.) URL: <http://zaimka.ru/soviet/krasilu1/shtml> (дата обращения 22.10.2011)
 8. Сайерс М. Кан А. Тайная война против Советской России. – М.: Алгоритм, 2008. – 336 с.
 9. Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 декабря 1935 года «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы»// Известия, 30 декабря, 1935г.
 10. Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года. //Вопросы истории, 2002, № 1 - с. 3-26.
 11. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. - М: МФД, 2003 - 912 с.
 12. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1996 URL: <http://www.situation.ru/app/rs/lib/politburo/index.htm> (дата обращения 22.10.2011).

Г.Т. СЕТЕНОВА,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОСУДИЕ КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В правозащитной деятельности участвует и судебная ветвь государственной власти. В п.2 ст.13 Конституции РК закреплено *право на судебную защиту своих прав и свобод*. В системе личных прав особое значение имеют *права, гарантирующие эффективные меры защиты каждому человеку в случае нарушения его права*. Эти права являются одним из краеугольных камней Пакта о гражданских и политических правах, гарантирующих господство права. Весьма важным завоеванием в строительстве национального права является признание судебной власти в качестве самостоятельной ветви в системе государственной власти.

Обособление суда, закрепление судебной власти в качестве института государства в новом контексте не могло не отразиться на системе и структуре судопроизводства. Как вытекает из смысла ст.75 Конституции РК, судебная власть осуществляется посредством гражданского, уголовного и иных установленных законом форм судопроизводства.

Различая между собой государственный и судебный способы защиты прав человека, мы исходим из следующего. Несмотря на то, что суды сегодня рассматриваются как государственные органы, считаем, что их судебный способ защиты прав человека следует отделить от государственного способа, так как важнейшим условием их деятельности выступает независимость. Только в суде в качестве ответчика может рассматриваться государство в лице своих органов. Более того, в судах государств развитой демократии, международных судах по правам человека можно привлечь к ответственности государство в целом. Согласно Европейской конвенции о защите прав и основных свобод Европейский суд рассматривает не все спорные ситуации, а только жалобы по поводу нарушения прав на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, на свободу совести и религии, на свободу выражения своего мнения, на свободное передвижение и выбор места жительства и некоторых других. В этой связи суд есть независимый орган, в том числе независимый и от государства, его органов.

Так как суд – надёжный гарант прав и свобод человека только в том случае, если он является независимым от внешнего воздействия и осуществляет свою работу на основе демократических процедур, то в Конституции РК уделяется значительное внимание гарантиям, обеспечивающим справедливое судебное разбирательство, самым главным из которых является положение о равенстве всех перед законом и судом (ст.14). Данный принцип означает, что несмотря ни на какие социальные различия (гражданство, национальность, пол, место жительства, материальное положение и др.) все индивиды обладают одинаковой правоспособностью, возможностью приобрести те или иные права на соответствующие блага. Ряд

гарантий независимости и беспристрастности суда, справедливого судебного разбирательства содержится в главе Конституции РК «Суды и правосудие».

Осуществляя свое исключительное полномочие по разрешению правового конфликта, суд в процессе рассмотрения и разрешения по существу конкретного уголовного или гражданского дела восстанавливает нарушенное благо одной из конфликтующих сторон и защищает от возможного необоснованного нарушения или ограничения блага другой стороны. Оставаясь беспристрастным и объективным арбитром, суд обеспечивает реализацию гарантированного государством права на судебную защиту всем гражданам, независимо от того, какую роль они играют в правовом конфликте. Воплощением защиты охраняемого законом блага служит решение или приговор суда. Являясь важнейшим актом судебной власти, судебное решение (судебный приговор) означает признание прав пострадавшей стороны нарушенными и их восстановление или констатацию отсутствия такого нарушения, ограничение второй стороны от необоснованного ущемления прав. Таким образом, судебная власть восстанавливает нарушенное право, обеспечивает возмещение причиненного вреда, ограждение прав и свобод от необоснованного нарушения или ограничения.

Судебной защите прав и свобод личности в правовом государстве отводится важная роль. Правовое государство не может ограничиться лишь закреплением в конституции перечня прав и свобод граждан, оно обязано гарантировать их осуществление правовыми, экономическими, политическими и культурными средствами. Судебная защита является механизмом, заставляющим государство в лице его органов и должностных лиц выполнять принятые им на себя обязанности.

Судебная защита становится в современных условиях важнейшей гарантией прав и свобод личности. Поскольку суд является носителем государственной власти в сфере уголовного, гражданского и иного судопроизводства, судебную защиту правомерно рассматривать как синоним

государственной защиты прав и свобод личности. При этом судебная защита включает в себя защиту прав граждан, нарушенных вне судопроизводства (преступлениями, правонарушениями, незаконными действиями органов власти и управления), а также защиту прав и свобод, нарушенных внутри самой процедуры производства по делу, в том числе допускаемых органам следствия, дознания, прокуратуры, хотя и на них, являющихся государственными органами, лежат обязанности по охране и защите прав и свобод человека и гражданина.

Судебная защита прав и свобод заключается в осуществлении судом деятельности по восстановлению нарушенных преступлением или иным правонарушением прав и свобод человека и гражданина и предупреждению этих нарушений. Государственная защита прав и свобод имеет и другие, внесудебные, формы реализации. Однако в отличие от остальных органов государственной власти, в том числе и правоохранительных, только суд имеет защиту прав и свобод личности своей главной задачей. По справедливому утверждению С.Сартаева, «...сегодняшней задачей первостепенной важности является доведение до конца всех конституционных институтов. Конституционная модель современной казахстанской государственности остается еще не сформированной до конца. Здесь особо важное значение имеет последовательное осуществление судебно-правовой реформы, что стало бы условием реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина, конституционной законности. Именно судебная власть призвана укрепить правовой профиль формирующейся казахстанской государственности». Преимущества судебной защиты перед иными механизмами представляются по ряду причин неоспоримыми. Судебная защита обладает только ей присущей совокупностью особенностей, позволяющей считать ее универсальным, а поэтому наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности.

Во-первых, судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц. Конституция Республики Казахстан применительно к субъекту, права и

свободы которого обеспечиваются судебной защитой, употребляет термин «каждый», что подчеркивает неперсонифицированность судебной защиты, отсутствие каких-либо формализованных ограничений на использование этого способа защиты субъективного права и законного интереса. При этом право на судебную защиту гарантируется не только гражданам Республики Казахстан, но также иностранцам и не имеющим гражданства лицам. Указание на защиту прав человека и гражданина отражает стремление восстановить те общечеловеческие ценности, которые не зависят от принадлежности к государству, являются естественными, принадлежащими человеку от рождения.

Государственная защита этих прав и свобод состоит в невмешательстве государства в их свободную реализацию и ограждении от иного постороннего вмешательства. Независимость частной жизни от любого незаконного вмешательства, создавая условия для развития и самореализации личности, становится нравственной основой многих уголовно-правовых и иных запретов и предметом судебной защиты.

Во-вторых, судебная защита распространяется на все без исключения права и свободы, принадлежащие индивиду, как в силу прямого указания Конституции Республики Казахстан и иных законов, так и не имеющие нормативного закрепления, но не противоречащие закону. Предметом судебной защиты являются не только материальные, но и процессуальные права. Являясь способом обеспечения правового статуса личности, процессуальные права сами включаются в правовой статус и нуждаются в защите в случае их нарушения или ущемления. Поскольку такие нарушения достаточно распространены, восстановление процессуальных прав (например, права на подачу иска в случае пропуска срока исковой давности) занимает важное место в судебной защите. Следует признать, что защите подлежат и права граждан, сопровождающие выполнение налагаемых на них государством обязанностей и мер ответственности. Таковым является право

на разумность и пропорциональность применяемой за правонарушение ответственности.

В-третьих, судебная защита обладает гарантией высокой эффективности в виде обязательности исполнения судебного акта, имеющего силу закона, а также наличия правовых механизмов его принудительного исполнения.

В-четвертых, судебная защита в ряде случаев является единственной возможностью восстановления права либо удовлетворения законного интереса, например установление юридического факта, ограничение дееспособности, реабилитация незаконно осужденного и т.п.

В-пятых, судебная защита обладает высоким уровнем надежности, ибо осуществляется в специфических процедурных формах, гарантирующих рассмотрение и разрешение любого дела.

Все вышесказанное позволяет считать судебную защиту наиболее эффективным средством государственной защиты. Обеспечение прав граждан посредством различных форм осуществления правосудия приобретает все большее распространение на практике. Провозгласив право граждан на судебную защиту, Конституция Республики Казахстан предоставила каждому возможность добиваться восстановления справедливости, независимо от того, в какой сфере общественной жизни произошло нарушение его прав и свобод.

Практика стран Евросоюза свидетельствует, что большинство населения верит в то, что их правосудие эффективно пользуется общественной поддержкой. В Казахстане, где общественное признание судов не было высоким, ситуация может измениться в лучшую сторону при условии системного подхода к решению этого вопроса. В связи с этим для начала необходимо наладить постоянное освещение судебной реформы, показав реальные правовые механизмы защиты прав и свобод личности, преимущества и недостатки судебных органов. Так, многие граждане считают, что невозможно выиграть процесс у государственных органов или

должностных лиц. Между тем судебная статистика свидетельствует, что большинство исков по обжалованию неправомерных действий чиновников удовлетворялось судами.

Сегодня, когда Казахстану удалось достичь впечатляющих результатов в экономической сфере, необходимо обеспечить правовую гарантированность этого успеха, реальную и эффективную защиту судами прав и свобод личности, в том числе предпринимателей, сформировать в общественном сознании убеждения о главенствующей роли судебной власти в правовом государстве, к построению которого мы стремимся.

-
1. Лукашева Е.А. Правовой статус: понятие и структура/Общая теория прав человека. - М.: Инст. Государства и права РАН,1997. - 151с.

С. Ж. ШАЛТАКБАЕВ,

доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА

Общепризнано, что в современных условиях поступательное движение любой страны вперед происходит в рамках концептуальных схем устойчивого развития, важнейшим компонентом которого является экологическая составляющая.

В целях достижения высоких целей, стоящих перед нашей страной на период до 2050 года, в Казахстане принят ряд мер по устойчивому развитию. В их числе следует выделить Стратегию индустриально-инновационного развития Республики Казахстан до 2015 года, Концепцию перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007-2024 годы и ряд других важнейших правовых актов, которые определяют принципы, цели, задачи и основные механизмы достижения устойчивости во всех сферах жизнедеятельности страны. Их главная цель - установление баланса экономических, социальных, экологических и политических аспектов

развития Республики Казахстан как основы повышения качества жизни и обеспечения конкурентоспособности страны в ближайшей и более отдаленной перспективе.

Не нуждается в доказывании очевидный факт, что реализация этих задач невозможна без решения актуальных экологических проблем и обеспечения экологической безопасности страны. Достаточно вспомнить, что в числе основных принципов и приоритетов перехода РК к устойчивому развитию признано: совершенствование деятельности по охране окружающей среды в качестве важнейшей ноосферной функции общества; территориальное развитие на основе трансрегионального экосистемного подхода; использование новых и экологически чистых, безопасных технологий; энергоэффективность и энергосбережение; предупреждение и уменьшение экологических угроз здоровью населения; борьба с опустыниванием; сохранение биологического разнообразия; снижение эмиссий, в том числе парниковых газов и озоноразрушающих веществ; разрешение трансграничных экологических проблем; радиационная и биохимическая безопасность и управление отходами [1].

Во многом достижение этих целей будет зависеть от того, насколько в ближайшем будущем в Казахстане все виды законодательного регулирования будут сориентированы на качественно иную систему организации производства и потребления, которая будет строиться на принципиально иных началах, способных обеспечить баланс интересов на национальном и межгосударственном уровне, гармонизацию интересов мирового сообщества с возможностями биосферы. Следует признать, что накопившиеся вопросы и задачи развития экологического законодательства по объективным и субъективным причинам пока не смогли найти своего исчерпывающего разрешения, в связи с чем необходимость теоретического осмысления проблем формирования экологического законодательства в новых условиях становится назревшей необходимостью и выдвигается на первый план [2, с.3-4].

Безусловно, в рамках небольшой статьи мы не в состоянии рассмотреть даже в самом общем приближении все эти проблемы, поэтому затронем лишь некоторые из них, по нашему мнению, во многом задающие вектор развития экологического права в современных условиях.

Прежде всего, бесспорно, определяющий характер для формирования экологического законодательства и реализации стратегии устойчивого развития имеет Конституция Республики Казахстан. От того, насколько верно в ней будут заложены базовые эколого-правовые положения, будут зависеть параметры и направления экологизации всей правовой системы страны в современных условиях.

Согласно ч.3 ст.6 Конституции РК «Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом» [3]. На наш взгляд, в тексте статьи имеются некоторые положения, нуждающиеся в критическом осмыслении и анализе, так как неточности в их формулировках закономерно влекут за собой ошибки в конструировании отраслевых законодательных актов. Не случайно в одном из Постановлений Конституционного Совета Республики Казахстан отмечалось, «что данные конституционные положения устанавливают общие обязательные начала земельных правоотношений в Республике Казахстан, которые регулируются основанными на них законами и равными им по юридической силе законодательными актами. Детализация их норм подзаконными актами возможна только на основаниях, условиях и в пределах, установленных этими законами и равными им по юридической силе законодательными актами» [4].

Прежде всего, мы полагаем, что далеко не безупречен в современном теоретическом понимании сам термин «государственная собственность на землю и другие природные ресурсы». Примат государственности во многом является отголоском прежней социально-экономической формации, в

которой он не только повсеместно декларировался, но и неукоснительно соблюдался.

Согласно Статье 3 Конституции РК единственным источником государственной власти является народ, который делегирует осуществление своей власти государственным органам. Иными словами право собственности на всю совокупность природных объектов, в свете указанных конституционных положений, в полной мере принадлежит всему народу Казахстана, а он делегирует лишь определенные полномочия органам государственной власти. Следовательно, логично было бы внести соответствующие коррективы в устоявшиеся дефиниции ряда отраслей права.

Нам представляется, что применительно к праву собственности на природные ресурсы субъектом такого права в полном объеме является только весь народ Казахстана, которому в полной мере принадлежат все три базовых правомочия собственника: владения, пользования и распоряжения. При этом, при делегировании определенных полномочий органам государственной власти, характер и объем их полномочий в существенной мере меняется.

Так, по-видимому, государство не может выступать полноправным субъектом права собственности в силу хотя бы трех причин: 1) полномочия собственника не принадлежат ему изначально и в полном объеме, а лишь частично делегированы легальным собственником; 2) как субъект права собственности государство в недостаточной степени индивидуализировано; 3) в реальной жизни государство не реализует и фактически не в состоянии реализовывать все правомочия собственника.

Последнее положение нуждается в пояснении. Безусловно, государство, принимая делегированные ему народом Казахстана права, обладает правом *владения* природными ресурсами, прежде всего землями, в пределах государственных границ РК.

Вне всякого сомнения, государство реализует полномочия по *распоряжению* этими ресурсами, передавая их (от имени и по поручению собственника, о чем часто умалчивается и забывается) в собственность и пользование другим субъектам. Так Конституционный Совет РК в одном из своих Постановлений отмечал: «пункт 3 статьи 6 Конституции Республики Казахстан означает, что право регулирования земельных отношений принадлежит государству, которое устанавливает правовые режимы собственности и оборота земли. Основания, условия и пределы, в которых земля может находиться в собственности, а также определение круга ее субъектов и объектов устанавливаются законодателем» [5].

При этом очевидно, что государство никогда не реализует и не может реально реализовать такое полномочие, как *пользование* природными ресурсами, поскольку для этого требуется его однозначная индивидуализация как субъекта подобного полномочия. Именно поэтому реализация такого полномочия возможна только такими субъектами, как индивидуализированные государственные организации и учреждения, которым государство и передает право пользования, например, отдельным земельным участком или иным конкретным природным объектом. Применительно к последним, на наш взгляд, следует вообще избегать использования термина «право собственности», так как здесь мы имеем классический вариант бессрочного права природопользования, субъектом которого выступают государственные организации и учреждения.

В этой связи мы полагаем, что ч. 3 ст. 6 Конституции РК следовало бы изложить в следующей редакции «Земли, недра, воды, растительный, животный мир, другие природные объекты являются собственностью народа Казахстана, который делегирует государству права по распоряжению ими в интересах всего общества. Отдельные земельные участки могут передаваться в частную собственность гражданам и негосударственным юридическим лицам на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом».

В данном случае, на наш взгляд, предлагаемая редакция устраняет ряд серьезных противоречий и коллизий в действующем законодательстве и практике его применения.

Во-первых, вносится четкое различие таких ключевых понятий, как «земли» и «земельные участки». Собственником первых может быть только единственный субъект - народ Казахстана, собственниками вторых – граждане и негосударственные юридические лица.

Во-вторых, вводится более широкое и экологически корректное понятие «природные объекты» вместо «природные ресурсы», поскольку последнее носит ярко выраженную экономическую направленность.

В-третьих, снимается существующее противоречие, связанное с фактической двусубъектностью права собственности на земли в РК, так как согласно смыслу действующего законодательства все земли являются государственной собственностью, а собственниками входящих в них отдельных земельных участков выступают другие субъекты. Очевидно, что при существующей правовой регламентации практически невозможно вести речь о равноправии субъектов права государственной и частной собственности на землю.

В-четвертых, создается конституционная основа для устранения весьма распространенного на практике ущемления прав собственников земельных участков со стороны государства и его органов, например, при изъятии земельных участков для государственных нужд и т.д.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье мы ни в коей мере не претендуем на бесспорность выдвинутых теоретических конструкций и дефиниций. Вместе с тем полагаем, что представление их на обсуждение может послужить отправной точкой для дальнейшей плодотворной дискуссии, которая может приблизить нас к реальному решению затронутых проблем казахстанского права.

1. Концепция перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007 - 2024 годы (одобрена Указом Президента Республики Казахстан от 14 ноября 2006 года), - Астана, 2007.
2. Теоретические проблемы развития экологического законодательства в Республике Казахстан. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д-ра юрид. Наук. - М., 1999.
3. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года). - Алматы, 1995.
4. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 13 апреля 2000 года № 2/2 «Об официальном толковании пункта 3 статьи 6 Конституции Республики Казахстан».
5. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 23 апреля 2003 г. № 4 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 2 и пункта 3 статьи 6 Конституции Республики Казахстан».